ПОѢЗДКА

ВЪ

ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ.

ПОѢЗДКА

ВЪ

ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ

Ст. Сов. В. Беккера.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1852 года, Апрѣля 17 дня.

Цензоръ *Кн. Львовъ.*

ПОѢЗДКА ВЪ ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ.

—

Давно мнѣ хотѣлось посѣтить Русскую Германію, но это не легко было исполнить жителю береговъ Ангарскихъ. Пробылъ я въ Сибири долго, очень долго, потомъ находился въ разныхъ мѣстахъ Россіи — и избороздилъ твердою землею никакъ не менѣе ста тысячь верстъ, т. е. вдвое болѣе противъ окружности земнаго шара; но прогулки водою совершались не часто, исключая путешествія по Байкалу, по Ленѣ до Якутска отъ пристани, по Волгѣ изъ Рыбинска до Казани, изъ Петербурга въ Кронштатъ и Петергофъ — по Финскому заливу.

Вотъ я прощаюсь съ Петербургомъ и отправляюсь сначала въ Ревель на параходѣ «Константинъ». Былъ Іюнь мѣсяцъ въ окончаніи. Погода чудная: кто изъ столичныхъ жителей не помнитъ Африканскихъ жаровъ 1846 года? Часа на два останавливаемся мы въ Кронштатѣ и насмотрѣв-

шись на этотъ лѣсъ мачтъ и разноцвѣтныхъ флаговъ, пускаемся далѣе. По минованіи острова «Гохланда» (1), на половинномъ пути къ Ревелю, обрисовались въ туманной дали берега Финляндіи. На разсвѣтѣ другаго дня, зазеленѣли острова «Вульфъ» и «Наргенъ», не въ дальнемъ разстояніи отъ Ревеля, и хижины ихъ обитателей виднѣлись изъ-за сосновой рощи. Вскорѣ черпѣющаяся, пирамидальная вершина «Олая», тамошней церкви, приковала наше вниманіе, а въ слѣдъ за тѣмъ открылся и городъ въ дивной, изумительной панорамѣ.

По прибытіи въ Ревель, сталъ я его осматривать, съ ближайшими окрестностями. Все это, вѣроятно, много разъ было описано, но у каждаго путешественника свой взглядъ и потому не мѣшаетъ сказать объ Эстоніи нѣсколько словъ, чтобы воскресить въ памяти моей настоящую прогулку. Городъ стоитъ на горѣ и высокія башни церквей его, возносясь надъ древними зданіями, кажутся низкими предъ исполинскимъ верхомъ Олая. Кругомъ города, обведеннаго каменною

---

(1) Онъ будетъ въ длину верстъ десять, а въ ширину до двухъ. Мѣстоположеніе острова гористое. Тамъ двѣ деревушки, населенныя Эстами [redacted] снискивающими себѣ пропитаніе отъ рыбной ловли.

стѣною, красуются полукружіемъ сады и мнѣ сказывали, что Ревель, по своей мѣстности, имѣетъ нѣкоторое сходство съ столичнымъ городомъ классической страны, лежащей близъ Везувія. Значительное возвышеніе материка, на которомъ лежитъ собственно Ревель, называется «Вышгородомъ». Большія морскія ворота, сдѣланныя изъ кирпича, не уступающаго по своей крѣпости дикому камню, не совсѣмъ отвѣчаютъ этому наименованію, потому что онѣ довольно узки и совсѣмъ не высоки. Всего считается семь городскихъ воротъ; однѣ изъ нихъ замѣчательны по своей длинной аркѣ, чрезъ которую надобно проходить въ полутемнотѣ. Башни на стѣнахъ крѣпости носятъ престранныя названія, на прим. die diecke Margarithe, башня толстой Маргариты, самая высокая. Узкія, продолговатыя окна, въ родѣ щелей, сдѣланныя въ стѣнѣ, свидѣтельствуютъ о древности постройки. Пройдя арку этихъ воротъ, вы достигаете «Морской улицы», (а ее надо бы назвать длинною улицею отъ Нѣмецкаго: die Langstrase), потомъ означеннаго выше возвышенія, откуда представляется зрѣлище, въ своемъ родѣ единственное: предъ вами остроконечныя крыши изъ красной черепицы; на верху домовъ флюгеры; самые входы изъ стрѣльчатыхъ сводовъ; стѣны въ арабескахъ и другихъ изваяніяхъ; а на вершинахъ стѣны городской, устроены такіе же флюгеры и постав-

лены разныя статуи. Въ прежнія времена, окна домовъ, выходившія на улицу, были закрыты наглухо, потому, что ганзеатическіе купцы, ведя обширную торговлю, любили жить уединенно въ комнатахъ, обращенныхъ на дворъ или въ садъ. На нѣкоторыхъ площадяхъ и улицахъ находятся общественные колодези, выдающіеся огромными ларями, но теперь, для благовидности города, стараются постепенно уничтожать ихъ. Большая часть нынѣшней стѣны построена при Карлѣ XI, Королѣ Шведскомъ, а прежнія башни относятся къ вѣку XIV, вѣку рыцарства. Домовъ въ крѣпости сотъ семь—всѣ каменные; улицы не широки и ни одной прямой; мостовыя и тротуары не хороши, не смотря на обиліе плитняку и булыжнику въ окрестностяхъ города. Есть такъ называемая широкая улица, гдѣ лучшіе магазины и лавки, однакожъ и ее не льзя назвать длинною и прямолинейною. Вы увидите такіе узенькіе, кривые переулки, мрачные отъ высоты домовъ, что съ трудомъ можно разъѣхаться экипажамъ—и замѣтьте, это въ центрѣ города. Многіе домы, памятники Богослуженія, поразятъ васъ съ перваго взгляду своею архитектурою, относящеюся къ среднимъ вѣкамъ, но Церковь Св. Олая съ ея готическою башнею, болѣе всего привлекаетъ взоры путешественника. Вообще зданія древнѣйшей постройки носятъ на себѣ характеръ страны,

которой принадлежала Эстонія. Къ Вышгороду идутъ два переулка—одинъ для экипажей, другой для пѣшеходовъ. Надо подниматься на значительную высоту и вы вступаете въ прелестный садъ изъ розъ и густыхъ акацій, цвѣтущихъ надъ крышами домовъ. Съ этого пункта хорошо смотрѣть на городъ съ его стѣнами, башнями и домами съ коническими крышами; надъ ними возносятся такія же башни и колокольни церквей—вѣковъ среднихъ и позднѣйшихъ. Въ такомъ точно видѣ находился Ревель и въ эпоху своей знаменитости, но теперь торговля его, какъ и другихъ прибальтійскихъ городовъ, исключая Риги, замѣтно упала съ той поры, какъ усилилась промышленность Петрополя. Остатки укрѣпленнаго замка Вольдемара II, Короля Датскаго, царствовавшаго въ XIII столѣтіи, около высокой башни тамъ и сямъ на каменной горѣ разсѣянные въ разныхъ обломкахъ, тоже виднѣются. Преданіе повѣствуетъ, что этотъ Король, восхищенный прелестью мѣстоположенія, хотѣлъ украсить городъ зданіями и храмами, чтобы онъ пользовался извѣстностію. Влѣво отъ него зеленѣютъ луга, прорѣзанные тропинками, и надъ крутизною горы громоздятся зданія, готовыя, казалось, ежеминутно обрушиться, но рука всесокрушающаго времени доселѣ не коснулась этой священной древности; форштаты тонутъ въ садахъ и дале-

кія окрестности замыкаютъ дивный ландшафтъ. Въ форштатахъ болѣе тысячи домовъ, но мало встрѣтишь каменныхъ, за то всѣ такіе чистенькіе съ большими и широкими окнами; улицы прямыя, длинныя, особенно Нарвская; тротуары и мостовая лучше, чѣмъ въ городѣ. Всѣхъ жителей болѣе двадцати тысячь, въ числѣ которыхъ считается довольно русскихъ.

Вступая въ Ревель, переносишься воображеніемъ своимъ въ цвѣтущую Германію. Надписи на домахъ на Нѣмецкомъ, всѣ говорятъ на этомъ языкѣ, исключая простолюдиновъ, усвоившихъ нарѣчіе Эстонское. Роднаго Русскаго языка вы рѣдко услышите, даже между нашимъ купечествомъ. А сколько вы встрѣтите хорошенькихъ Нѣмочекъ! Извѣстную пословицу: «Sachsen, wo die schoene Maedhen wahsen (Саксонія отечество прекраснихъ женщинъ), можно примѣнить въ этомъ отношеніи къ Ревелю, этому уголку Германіи. Дамы одѣваются просто, но со вкусомъ; онѣ такія свѣженькія, полныя жизни; а какая у нихъ талія!

Основаніе Ревеля приписывается Кануту VI, Королю Даніи, который въ 1196 году, желая озарить свѣтомъ Христіанскаго ученія племена язычниковъ въ нынѣшней Эстоніи, думалъ по времени подчинить ихъ своему владычеству. Преемникъ Канута, Вольдемаръ II, построилъ здѣсь

укрѣпленный замокъ на значительномъ городскомъ возвышеніи,—какъ выше упомянуто. На третій годъ послѣ кровавыхъ событій въ Италіи, подъ именемъ «Сицилійской вечерни», породившихъ революцію, именно въ 1284 г., страна стала принадлежать Ганзеатическому Союзу, который купилъ ее за 19 тысячъ марокъ серебра у Вольдемара III, нуждавшагося въ финансахъ, по случаю междуусобной войны, потрясавшей Эстонію въ теченіи цѣлаго столѣтія. Въ 1459 г. она поступила во владѣніе Ливонскаго ордена; въ 1558 завоевана Эрикомъ IV, Королемъ Шведскимъ; наконецъ въ 1710 навсегда присоединена къ Россіи, когда предѣлы нашей Имперіи не были столько раздвинуты. Такимъ образомъ война Эстоніи съ Литвою и Польшею въ продолженіи разныхъ періодовъ—и другія обстоятельства, были причиною, что первая не могла удержать за собою своей самобытности.

Спустя пол-вѣка послѣ великой, религіозной мысли Канута VI—водрузить крестъ Господень на высотахъ Бальтики, сооруженъ въ Ревелѣ монастырь «Ордена Меченосцевъ», а съ тѣмъ вмѣстѣ приступлено къ возведенію другаго зданія: «Братства Черноголовыхъ» (Schwarzen Moenhen-Kloster). Окрестности сихъ мѣстъ и до теперешняго времени носятъ названіе «Монастыр-

скихъ » [2]. По распространеніи же въ Эстоніи Христіанской вѣры, назначенъ туда Католическій Епископъ; а въ 1551, вскорѣ по реформаціи, учреждена въ Ревелѣ Епископская Лютеранская каѳедра. Эстонія наслаждалась спокойствіемъ, находясь подъ владычествомъ Швеціи, но чрезъ два столѣтія послѣдняя налагаетъ на первую страшные налоги; это производитъ народный ропотъ, послуживиній отчасти поводомъ къ событію, когда прибальтійскія страны отошли по капитуляціи къ Россіи. По завоеваніи же края, посѣщаетъ Ревель двукратно Императоръ Петръ I (въ 1710 и 1714): въ эту пору была построена гавань и заложенъ дворецъ въ роскошномъ предмѣстіи города Екатериненталѣ, названномъ въ честь супруги Великаго, а въ непродолжительномъ послѣ того времени является на Европейскихъ моряхъ первый Русскій флотъ, въ Ревелѣ построенный. И другія Державныя Владыки Россіи счастливили этотъ городъ своимъ высокимъ посѣщеніемъ: въ 1746 году пріѣзжаетъ туда Елисавета Петровна—при чемъ былъ ратификованъ трактатъ съ Маріею-Терезіею; въ 1764-мъ наша Екатерина II; въ 1798, Императоръ Павелъ, во время путешествія въ Ригу; Александръ Благословенный былъ два

(2) Теперь находится на этомъ мѣстѣ зданіе гимназіи.

раза въ Ревелѣ—въ первый и послѣдній годъ Его царствованія. Въ послѣднее же время неоднократно посѣщалъ этотъ городъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и Его Августѣйшее семейство.

Къ числу достопамятныхъ вещей также должно отнести слѣдующія эпохи: уничтоженіе Русскимъ побѣдоноснымъ оружіемъ Шведской флотиліи въ 1791-мъ и заключеніе мира Россіи съ Англіею въ 1801 году.

—

Съ постепеннымъ устройствомъ Ревеля при Вольдемарѣ II, приступлено въ 1310 г. къ возведенію крѣпости, а въ 1329 церкви Св. Олая. Чрезъ семь послѣ того лѣтъ, открыта первая публичная школа, теперешняя Ritter und Dom-Schule; три вѣка спустя, образована Гимназія, при которой открыто книгопечатаніе, а въ 1805 году получаетъ это учебное заведеніе новую, въ числѣ прочихъ, организацію. Но этотъ городъ испыталъ разныя несчастія въ теченіи минувшихъ шести вѣковъ, то отъ пожаровъ, заразы, голода, то отъ народнаго мятежа. Главнѣйшіе пожары были пять разъ, зараза и голодъ шесть разъ, возстаніе въ 1343 году. При этомъ случаѣ палъ знаменитый «Бургардъ Фонъ Дрейлевенъ»—какъ говоритъ преданіе.

—

При описаніи древности Ревеля, начну со знаменитой церкви Св. Олая.

Много видѣлъ я высокихъ церквей въ разныхъ мѣстахъ необъятной нашей Имперіи и конечно, никогда не воображалъ себѣ, что найду въ Ревелѣ башню надъ церковію, предъ которою ничего не значатъ ни Иванъ Великій въ Москвѣ, ни колокольни Троицкой Лавры, въ Кіевѣ, Рязани, Харьковѣ. Даже дивные памятники Богослуженія Св. Петра въ Римѣ, Вѣнѣ, Стразбургѣ, уступаютъ Ревельской башнѣ собственно по высотѣ своей. Короче и яснѣе: она первая на земномъ шарѣ—и такъ гордо, такъ величаво господствуетъ надъ окружающими ее церквами, что зданія ихъ кажутся ничтожными предъ исполинскимъ ея верхомъ. Храмъ заключается въ одномъ зданіи, надъ которымъ возносится башня—и принадлежитъ къ стилю готическому; построеніе же относится къ XIV столѣтію. Длина церкви 222 фута, ширина 114 футовъ; отъ уровня земли до окончанія креста 435 футовъ [3], т. е. 62 сажени съ аршиномъ, отдѣльно же отъ полу до своду церковнаго 126 футовъ; самая башня 257 ф., крестъ 21 ф., шаръ надъ крестомъ 5 футовъ. Внутренность храма отдѣлана просто, но эта са-

(3) Высота церкви Св. Стефана 424 фута, а первой Египетской пирамиды 449 футовъ.

мая простота придастъ ему особенное величіе, а фасадъ зданія переноситъ васъ въ средніе вѣка: это живая исторія. Восточная капелла церкви составляетъ древнѣйшее зданіе съ мрачными сводами. Готическія окна болѣе двухъ саженъ въ длину, въ ширину аршина два; въ каждомъ окнѣ по девяти стеколъ въ длину и по три въ ширину, а окно, идущее надъ башнею, имѣетъ высоты около шести саженъ (25 стеколъ въ длину, 5 въ ширину). Оконъ толь огромнаго размѣра, въ отношеніи длины ихъ, не встрѣтишь и въ столичныхъ дворцахъ и въ самомъ Исакіевскомъ Соборѣ, потому, что длина одного окна, превышаетъ нѣкоторыя трехъ-этажныя зданія. Вообще видъ Олая представляетъ стройность и величіе въ цѣломъ.

Частые пожары измѣняли древній фасадъ церкви, но послѣ бывшаго въ 1820 году, она исправлена, съ сохраненіемъ прежняго вида. Слѣды этого бѣдствія видны и теперь: они выражаются на развалинахъ близъ стоящихъ домовъ, на которые рухнула огромная башня. Впрочемъ объ этомъ рѣчь впереди.

Особенное обращаетъ на себя вниманіе органъ, работы Маріенбургскаго художника «Вальтера» и вѣроятно, знаменитѣйшій въ цѣлой Россіи по величинѣ своей. Органъ сей, имѣющій 66 тоновъ, стоилъ 20 тысячъ руб. сер. На немъ представ-

лены Ангелы, играющіе на трубахъ и литаврахъ и во время священныхъ пѣсней движущіеся по механизму органа. Можно вообразить себѣ, какіе онъ издаетъ звуки во время Богослуженія въ храмѣ, который, не смотря на свою огромность, почти всегда полонъ народомъ.

При послѣднемъ пожарѣ въ 1820 году, Олайская церковь загорѣлась отъ молніи, а при этомъ случаѣ обрушилась и колоссальная ея башня. Въ такомъ видѣ простоялъ храмъ болѣе десяти лѣтъ, представляя печальные слѣды разрушенія. Надо было возобновить древній памятникъ, пережившій многія эпохи и Правительство употребило на то 300 тысячъ руб. сер. Церковь съ осьмигранною башнею [4] покрыта мѣдными листами и можно подумать, сколько употреблено этого металла? На каждой сторонѣ башни по три слуховыхъ окна, въ родѣ люковъ: индѣ по четыре, аршинъ въ квадратѣ, а всѣхъ оконъ двадцать девять. Они закрываются изнутри мѣдными ставнями и снизу кажутся едва замѣтными. Лѣстница, ведущая на башню, винтообразная, изсѣченная изъ дикаго камня; ходъ хоронъ и ступени крупны. Ихъ сосчитано 259. Оттуда начинается терраса

(4) Ширина башни въ ея основаніи будетъ сажень шесть или семь.

съ перилами вокругъ башни, а по сторонамъ ея четыре меньшія, такого же очертанія. Виды съ этой террасы превосходны—и городъ, какъ на ладони. Далѣе идутъ пять крутыхъ деревянныхъ съ перилами лѣстницъ, въ каждой по 16-ти ступеней. Проводникъ мой открылъ первое окно и я любовался мѣстностію. Кромѣ этихъ пяти лѣстницъ, находятся еще восемь подобныхъ до послѣдняго окна или люка, но безъ перилъ, а потому всходить по нимъ и неудобно и опасно; за всѣмъ тѣмъ, не смотря на круженіе головы и довольно вѣтряной день, я рѣшился пройти четыре лѣстницы и посмотрѣлъ внизъ чрезъ отворенное окно: домы казались просто карточными; о людяхъ и говорить нечего. Вотъ, что значитъ сила любопытства! По возвращеніи на террасу сталъ я отдыхать послѣ такой усталости и любоваться видами, такъ разнообразными и великолѣпными. Эти минуты наслажденія встрѣчаешь не часто. На башнѣ два колокола, въ 170 и 98 пудовъ. Отдохнувъ въ доброй часъ, я спустился съ улиткообразной лѣстницы и такимъ образомъ прошелъ чрезъ 467 ступеней. Утомленіе послѣ такой убійственной ходьбы, было столь велико, что весь слѣдующій день я сидѣлъ дома.

Въ особенномъ притворѣ храма покоятся нѣкоторыя лица, умершія въ разныя эпохи, а снаружи подъ однимъ изъ готическихъ оконъ, раз-

дѣленныхъ на безчисленное множество квадратиковъ, каменное изваяніе, относящееся къ первымъ годамъ XVI вѣка. Оно состоитъ изъ четвероугольника, въ родѣ часовни, съ двумя углубленіями, окруженными восьмью барельефами, изображающими разныя событія изъ Священнаго Писанія. Верхнее углубленіе было, вѣроятно, занято какою нибудь статуею, а въ нижнемъ изваяніе скелета. На самой стѣнѣ какая-то надпись, едва сохранившаяся, съ означеніемъ 1513 года. Думаютъ, что все это представляетъ Св. Олая [5], распространившаго здѣсь христіанскую вѣру.

Церковь Св. «Николая» находится тоже въ Выборгородѣ, близъ Морской улицы. Колокольня изъ высокаго четвероугольника, саженъ въ тридцать и на немъ отпечатаны слѣды времени, которое до того измѣнило прежній его цвѣтъ, что зданіе кажется деревяннымъ. Надъ четвероугольникомъ возвышается башня съ флюгеромъ. Къ главной церкви принадлежитъ нѣсколько капеллъ съ такими же окнами, какъ и въ Олайской. Никольская церковь воздвигнута въ началѣ XIV вѣка и до XVI принадлежала Католикамъ. Полъ изъ надгробныхъ плитъ чугунныхъ и каменныхъ, на

(5) Олавъ или Олай, сынъ Маргариты, наслѣдовалъ въ XI столѣтіи престолъ Даніи и Норвегіи. Династія эта въ послѣдствіи пресѣклась.

которыхъ можно читать эпитафіи, за три съ половиною вѣка на плитахъ изсѣченныя; стѣны украшены древнѣйшими картинами и между прочими — работы «Гольдбейна, танецъ смерти». На право отъ алтаря разныя священныя изображенія, съ надписями XV вѣка. Надобно удивляться прочности деревянныхъ скамеекъ съ рѣзьбою и выпуклыми украшеніями, современныхъ построенію храма. Не подалеку отъ органа ведетъ небольшая дверь въ особую комнату, гдѣ лежитъ изсохшій трупъ Герцога Декроа, умершаго въ 1702 году. Тѣло его, по настоянію кредиторовъ и въ слѣдствіе существовавшаго въ то время закона, воспрещавшаго хоронить должниковъ, не смотря на знатность рода,—лишено погребенія. Наслѣдники Герцога однако же не платили за него долговъ и онъ пролежалъ въ гробѣ 118 лѣтъ, до той поры, пока бывшій Генералъ-Губернаторъ Остзейскихъ губерній, Маркизъ Паулучи, не приказалъ (въ 1820 г.) вынуть его оттуда и положить у стѣны, на особомъ катафалкѣ. Тѣло Декроа, не будучи бальзамировано, не подпало разрушительному дѣйствію времени и обратилось въ естественную мумію [6]. Причиною сему

(6) Впрочемъ, трупы могутъ быть изсушены и отъ сильныхъ жаровъ, при палящемъ солнцѣ, на прим. въ большой Нубійской степи — какъ это видно изъ разсказовъ путешественниковъ.

полагаютъ морозы, бывшіе въ Ревелѣ въ Январѣ 1702 года и доходившіе до nec plus ultra; а можетъ статься и свойство цемента, связывающаго камни и кирпичи Николаевской церкви. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, гдѣ лежалъ Герцогъ, стоитъ теперь на полу и нисколько не пострадалъ отъ времени. Декроа росту не высокаго, худощавой; лицо и прочія части сохранились хорошо, хотя и почернѣли, также парикъ, шелковыя чулки съ башмаками и подушки. Изъ-подъ черной бархатной мантіи видна рубашка съ манжетами, тоже сохранившаяся, какъ и изсохшій трупъ Герцога, положенный въ генеральскомъ мундирѣ. На лицевой сторонѣ катафалка Латинская надпись, означающая, что Декроа происходитъ отъ Королевской крови и что родился въ 1650 году въ Бельгіи; былъ славенъ своими дѣлами; во время Нарвской войны взятъ въ плѣнъ и умеръ въ Ревелѣ въ 1702 году.

Въ дополненіе къ разсказу о героѣ, надо прибавить нѣсколько словъ. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ находился въ военной службѣ. Въ 1676 году поступаетъ къ Датскому Королю Христіану, воевавшему въ то время со Швеціею; при этомъ случаѣ отличается и получаетъ чинъ Генералъ-Лейтенанта; въ 1678 назначается Комендантомъ въ крѣпость Гельзингборгъ, завоеванную Датчанами. По заключеніи мира между

Сѣверными державами, Декроа переходитъ къ Римскому Императору Леопольду I, которому предлежала въ то время борьба съ Турціею—съ чиномъ Фельдмаршалъ-Лейтенанта, и снова показываетъ свое мужество, такъ что въ 1693 командуетъ уже цѣлою арміею Императорскихъ войскъ въ Венгріи. Но счастіе покидаетъ полководца: не могши удержать за собою крѣпости Бѣлграда, атакованной многочисленными Турецкими полчищами, онъ долженъ былъ отступить, по явной невозможности удержанія крѣпости. За всѣмъ тѣмъ Декроа обвиненъ и замѣняется другимъ. Послѣ этого нашъ герой поступаетъ къ Саксонскому Курфирсту Фридриху-Августу, въ послѣдствіи Королю Польскому — и командуетъ войсками въ Нарвѣ, но предвидя, что сраженіе будетъ проиграно Саксонцами, Декроа передается Шведамъ. Сперва привозятъ его въ Нарву, попомъ въ Ревель, гдѣ онъ 20-го Января 1702 года и померъ на 52-мъ году отъ рожденія. Сначала положили Герцога въ капеллу церкви св. Николая и никто не заботился о погребеніи, пока не обратилось тѣло въ мумію — какъ я говорилъ уже.

Въ мое время дѣлались капитальныя исправленія въ общей массѣ зданій Николаевской церкви; тамъ былъ удушливый воздухъ и я чрезъ часъ вышелъ оттуда, погруженный въ разныя думы.

«Соборъ» (Domkirche), не высокій, но довольно обширный, построенъ въ XIV столѣтіи Вольдемаромъ III, и также до реформаціи принадлежалъ католикамъ. На стѣнахъ церкви гербы разныхъ лицъ, здѣсь погребенныхъ; полъ изъ надгробныхъ камней съ изваяніями, подобно тому, какъ и въ Николаевской церкви. Среди храма на возвышеніи, гробница изъ бѣлаго мрамора съ разными барельефами, гдѣ покоится Адмиралъ Грейгъ, современникъ Великой Екатерины; у самаго алтаря мраморная пирамида надъ гробомъ Графа Тизенгаузена, бывшаго Флигель-Адъютанта и зятя Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ и красы среди побѣдъ въ отечественную войну. Съ другой стороны алтаря, памятникъ Графа Понтуса Делагардія, нѣкогда знаменитаго Полководца Шведскаго, предъ которымъ трепетала Польша. Подлѣ Делагардія лежитъ тѣло Графа Делатура, сподвижника Густава-Адольфа, Короля Швеціи. «Эстонская церковь Св. Духа», первая по своей древности и извѣстна по алтарю, художественному произведенію XIII вѣка. Деревянная башня надъ главнымъ зданіемъ, отличаетъ его отъ другихъ зданій подобной архитектуры. Полъ изъ надгробныхъ камней. Прочія церкви «Католическая» и «Шведская» не массивны и построены во времена позднѣйшія, впрочемъ до присоединенія Остзейскихъ гу-

берній къ Россіи. Въ Шведской церкви можно видѣть на прибитой къ стѣнѣ доскѣ надпись, что въ 1710 году была въ Ревелѣ моровая язва, истребившая половину народонаселенія. Православныхъ церквей три: въ городѣ каменная, подъ именемъ Собора, хорошей архитектуры, прочія деревянныя въ форштатахъ.

Теперь о зданіяхъ глубокой древности.

Возлѣ Олайской церкви находится домъ, принадлежащій Братству Св. Маврикія, получившему названіе «Черноголовыхъ» (Schwarzenheupter), построенный въ 1597 году, украшенный барельфами, представляющими знамя, съ изображеніемъ головы святаго и девизомъ на Латинскомъ языкѣ. Это объясняетъ побѣду, одержанную Черноголовыми надъ благородными рыцарями Эстоніи. Архитектура зданія самая древняя (7). Чтобы достигнуть этого единственнаго остатка рыцарскаго вѣка, надобно вамъ идти по длинной, узкой и кривой улицѣ, пресѣкаемой другими такими же улицами. За Братствомъ Черноголовыхъ находится ратуша съ башнями, на которой поставлено изображеніе Св. Маврикія. Вотъ начало основанія Братства:

---

(7) Въ Ревелѣ существуетъ до-нынѣ учебное заведеніе, подъ названіемъ (Domschule) Соборной школы, которую называютъ и «рыцарскою».

Вскорѣ послѣ несчастныхъ событій 1343 года, когда сдѣлано возстаніе жителей противъ высшихъ властей, нѣсколько молодыхъ гражданъ изъ купечества, родомъ изъ Нижней Саксоніи, Вестфаліи, Голландіи и Норвегіи, учредили Братство въ тотъ занимательный вѣкъ. Въ 1417 году даны ему особенныя привиллегіи, а во время владычества Швеціи, права эти сохранились до той поры, какъ Эстонія была завоевана Петромъ Великимъ. Онъ принимаетъ званіе Протектора и подтверждаетъ во всей полнотѣ права Братства. Братья Св. Маврикія избираются изъ людей, извѣстныхъ по своей честности, торговымъ оборотамъ, не связанные брачными узами. По вступленіи же въ бракъ, члены изключаются изъ братства. Посвященіе дѣлается торжественно: вступающій записываетъ свое имя въ книгу, начальникъ объявляетъ о главныхъ правахъ и обязанностяхъ и тогда пьютъ за здоровье новопосвященнаго изъ серебрянаго покала, съ изображеніемъ оленьяго копыта. Есть и золотые покалы, но они рѣдко употребляются, можетъ быть, отъ того, что слишкомъ объемисты. Парадная одежда Черноголовыхъ состояла изъ синяго мундира и трехъ-угольной шляпы съ плюмажемъ, но теперь замѣнена синимъ мундиромъ съ краснымъ воротникомъ, драгунскими эполетами и каскою, съ гербомъ Братства. Обязанности его членовъ

состоятъ въ содержаніи карауловъ во время посѣщенія Ревеля Императорской фамиліи. Въ одной изъ комнатъ висятъ модели ганзеатическихъ кораблей, другая главная украшена портретами Россійскихъ монарховъ отъ династіи Романова. Тамъ бываютъ балы и обѣды. Въ слѣдующей комнатѣ хранятся драгоцѣнности Общества. Въ парочно заведенную книгу вносятся пожертвованія въ пользу онаго отъ разныхъ лицъ и на первыхъ страницахъ начертаны подписи Петра Великаго и Его царедворцевъ; многіе листы заняты подписями прошедшаго столѣтія, а въ началѣ нынѣшняго — сіяютъ имена Александра I, Николая I, Наслѣдника Цесаревича Александра и В. К. Константина Николаевича. Въ числѣ прочихъ лицъ, подписавшихся въ книгѣ, замѣтны: Герцогъ Кларенскій, въ послѣдствіи Король Англіи, подъ именемъ Вильгельма IV, и храбрый Генералъ Кульневъ, подвизавшійся въ отечественную войну. Во второмъ этажѣ зданія помѣщаются Архивы и Библіотека, гдѣ читаются газеты; тамъ же находятся портреты Русскихъ, Шведскихъ и Датскихъ Государей и разныхъ знаменитыхъ вонтелей.

Изъ прочихъ зданій болѣе примѣчательныя: занимаемое Военнымъ Губернаторомъ, Командиромъ Порта, присутственными мѣстами, театръ, закрытый во время бытности моей въ Ревелѣ—и другія изъ частныхъ. Тамъ много благотвори-

тельныхъ заведеній; это дѣлаетъ честь гражданамъ и высказываетъ порывы ихъ къ высокому и прекрасному. Премиленькіе домики вы особенно встрѣчаете въ форштатахъ—и примѣтить надобно, что окна въ домахъ гораздо шире обыкновенныхъ; рамы покрыты бѣлою краскою съ черными по бокамъ и по срединѣ полосками; стекла большія, квадратныя. Это бросается на глаза проѣзжающему.

Изъ ближайшихъ окрестностей Ревеля занимаетъ первое мѣсто «Екатерингенталь». Съ устройствомъ гавани, приступлено къ возведенію дворца въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ. Петръ I сначала приказалъ построить для себя особенный домъ слишкомъ скромной наружности, не подалеку отъ теперешняго дворца, чтобы было у него предъ глазами производство работъ, начавшихся лѣтомъ 1718 и чрезъ годъ вчернѣ оконченныхъ. Дворецъ строилъ «Милетти», уроженецъ страны, нѣкогда владычествовавшей надъ свѣтомъ. Государь собственными руками положилъ три кирпича, оставленные въ стѣнѣ не заштукатуренными, съ сохранившеюся до нынѣ надписью. Садъ въ Екатерингенталѣ обширенъ, мѣстоположеніе прелестное; туда каждое Воскресенье и въ праздники собирается лучшая публика; тамъ очень не дурной оркестръ и время проводятъ весело. Конечно,

нѣтъ въ этомъ саду роскошныхъ деревьевъ Юга, но ихъ замѣняютъ каштановыя, тоже въ свою очередь прелестныя и тѣмъ наиболѣе достопамятные, что насаждены великимъ Преобразователемъ Отечества, генію котораго надобно изумляться. Изъ числа аллей, вообще длинныхъ, одна носитъ названіе «Философской». Есть танцовальная зала-салонъ, а на берегу залива, морскія ванны для посѣтителей. Лучшія принадлежатъ Г. Витту. Квартиры дороги, еслибы кто изъ пріѣзжихъ вздумалъ остановиться возлѣ ваннъ или на косѣ у оборонительной казармы. Отъ этой дороговизны нѣкоторые дома остаются пустыми на все лѣто, и не думайте, чтобы владѣльцы ихъ убавили что нибудь изъ прежней цѣны, которую считаютъ какъ бы нормальною; за всѣмъ тѣмъ морскія ванны и здоровой климатъ привлекаютъ туда многихъ посѣтителей. Кто владѣетъ порядочными средствами, тому нечего экономничать. Бывало, часовъ въ пять утра отправятся дамы пѣшечкомъ, одѣтые за-просто, подышать чистымъ воздухомъ и насладиться купаньемъ.

Въ концѣ Екатерингеталя возносится гора «Лагсбергъ» и упирается въ море своимъ мысомъ. Если подняться на гору по лѣстницѣ, руками человѣческими сдѣланной, то достигнешь ступеней, самою природою устроенныхъ изъ плит-

няка, которымъ такъ изобилуетъ Эстляндія. Видъ оттуда изумительный: подъ ногами вашими зеленѣютъ рощи и долины Екатеринентальскія, тихій, прохладный вѣтерокъ перешептывается съ листьями деревъ и кустарниковъ—и едва-едва колышется прибрежное море; лучшая часть Ревеля—Вышгородъ съ его домами и башнями на первомъ планѣ, а подлѣ него чернѣется Олай въ видѣ грознаго исполина; остроза Наргенъ и Вульфъ, зеленью покрытые, виднѣются издалека; у подножія скалы, надъ самою ея крутизною, тамъ и сямъ разбросаны скромные домики въ сельской простотѣ; на возвышенной же части мыса бѣлѣется маякъ, указывающій путь кораблямъ и пароходамъ посредствомъ лампъ, отражающихъ свѣтъ свой въ металлическихъ зеркалахъ. Оттуда представляется уже весь Ревель во всей красотѣ своей. Возлѣ маяка обломки зданія, построеннаго въ вѣкъ Екатерины II,—это казармы, перенесенныя въ послѣдствіи на другое мѣсто, по сырости прежняго и по другимъ причинамъ.

На канунѣ Иванова дня приготовляется въ «Витенгофѣ», садѣ, лежащемъ за Екатерингалемъ по Гапсальской дорогѣ, любимомъ народномъ гуляньѣ, небольшой фейерверкъ. На ближнихъ скалахъ горятъ въ это время смоляныя бочки и дымъ разносится вѣтромъ; окрестности кипятъ народомъ, отдыхающимъ въ тѣни каштановъ и

густыхъ акацій. Аллеи Екатерингенталя тоже наполнены гуляющими въ самой Ивановъ день: тогда собирается и порядочное городское общество—взглянуть на народный праздникъ, на эту пестроту и разнохарактерность.

Кромѣ Екатерингенталя и Витенгофа, есть и другія гулянья на мызахъ здѣшнихъ владѣльцевъ, въ которыхъ — скажу украдкою — доселѣ отражается въ разныхъ оттѣнкахъ типъ одалиска среднихъ вѣковъ. И не удивительно: предъ глазами ихъ живая исторія. Можно наименовать «Кошъ», «Тиннертъ», «Вимсъ». Знаменитый «Фалль» находится въ сторонѣ отъ Гапсальской дороги и скорѣе можетъ назваться роскошною виллою, чѣмъ мызою. Многіе путешественники отправляются туда изъ любопытства, не смотря на тридцать верстъ, отдѣляющихъ мызу отъ города.

«Кошъ», иначе «Красная мыза», Г. Коха, въ трехъ верстахъ отъ Екатерингенталя и въ пяти отъ Ревеля. Мѣстоположеніе романическое. Въ сторонѣ отъ дороги, идущей по песчаному морскому берегу, сахарная фабрика Пономарева, извѣстнаго Петербургскаго негоціанта. Потомъ нарисовались предъ нами священныя руины Католическаго монастыря св. Бригитты—это длинное высокое зданіе безъ крыши и фасада его возносится треугольникомъ. Отсюда перенесены—какъ говоритъ преданіе, въ Братство Черноголовыхъ

нѣсколько образовъ, спасенными сими послѣдними во время разрушенія обители, при походѣ Русскаго Царя Іоанна Грознаго. Она построена въ 1407 году и потому осада послѣдовала чрезъ 170 лѣтъ по ея основаніи. Набожные монахини клиронашки проводили тамъ, бывало, благочестивые дни свои. Поляны опоясываютъ монастырскія развалины со всѣхъ сторонъ и свѣтлая Бригитовна извивается около ихъ подножія, катя воды свои съ меланхолическимъ, томнымъ журчаніемъ. Недостатокъ искусства на Красной мызѣ, замѣняется природою, щедро излившей на тамошнюю мѣстность дары свои: необозримыя долины окружены горами, по ихъ ребрамъ желтѣютъ дорожки сада, а внизу рѣчка. Сюда отправляются нарочито изъ города отъ оборонительной казармы или отъ «косы», въ хорошую, ясную погоду въ небольшой лодкѣ—и чрезъ полчаса вы уже наслаждаетесь природою. Видъ съ Красной мызы на городъ особенно хорошъ: угрюмый Ревель съ его башнями, съ высокими шпицами готическихъ храмовъ, съ его Олаемъ—окаймленъ съ одной стороны военною гаванью, съ другихъ сторонъ Екатериненталемъ, утопающимъ въ зелени садовъ и великолѣпными развалинами Св. Бригитты. По возвращеніи же въ Ревель на зимовку нашего флота, въ началѣ Сентября мѣсяца, панорама является еще превосходнѣе, при взглядѣ на это

множество кораблей съ ихъ разноцвѣтными флагами. Мыза «Вимсъ» принадлежитъ Графу Буксгевдену, шесть верстъ далѣе отъ развалинъ, тоже богатая ландшафтами, а «Типпертъ» — Барона Будберга, на 12-й верстѣ отъ города, по дорогѣ въ Гапсаль, не много въ сторону, имѣетъ свои красоты. Домъ владѣльца испыталъ разрушительное дѣйствіе времени, но сдѣланныя въ немъ въ послѣднюю пору исправленія, дали посѣтителямъ нѣкоторое удобство, относительно пріюта—и для осмотра. Въ виду мызы возвышается цѣпь горъ разнообразныхъ формъ. Я поднимался на самую высокую изъ нихъ — сажень сорокъ отъ уровня моря—и взорамъ моимъ представилась новая картина: окружныя горы упираются въ море въ отвѣсномъ ихъ положеніи, море волнуется, по берегамъ его обломки известняка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выглядываютъ пещеры изъ высокихъ, утесистыхъ скалъ. На пути къ Типперту небольшія мызы «Либерте», «Левенру», а вправо отъ «Витенгофа», идетъ дорога на Лютеранское кладбище, замѣчательное по своей мѣстности.

Одинъ изъ Петербургскихъ чиновниковъ, съ которымъ я хорошо познакомился въ Ревелѣ, предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку въ Фалль. Могъ ли я отказаться отъ такого случая? Вотъ мы отправляемся изъ города въ пять часовъ утра на почтовыхъ, встрѣчаемъ на пути мызы

и деревни, и миновавъ густой, не проницаемый лѣсъ, потомъ «Сосновку», гдѣ обыкновенно останавливаются проѣзжающіе, видимъ издалека зубчатыя башни этого очаровательнаго убѣжища графа Бенкендорфа. Природа и искусство въ полномъ своемъ сіяніи, во всемъ великолѣпіи и трудно рѣшить, чему изъ нихъ болѣе отдать преимущество? Предъ главнымъ фасомъ зданія, окрашеннаго розовою краскою съ сѣрыми по краямъ полосами и построеннаго во вкусѣ готическомъ, такія же ворота съ гербами графа, а на двухъ бокахъ зданія щиты гербовъ изъ трехъ розъ и приличнаго девиза; разноцвѣтныя стекла вставлены въ готическія рамы. Въ Англійскомъ садѣ, предъ замкомъ раскинутомъ, красуются георгины и другія растенія, въ лѣвой его части чугунный барельефъ, вставленный въ стѣну въ 1833 г. графомъ Сиверсомъ въ честь владѣтеля мызы; съ правой стороны возвышаются на прелестной лужайкѣ пять березъ, посаженныхъ въ 1832 и 1833 гг. Державными руками Государя Императора и прочихъ Членовъ Царственнаго Семейства, въ бытность Ихъ въ Фаллѣ у любимаго Царедворца. Маститый, вѣтвистый тополь, образуетъ какъ бы бесѣдку въ садѣ, по дорожкамъ котораго разставлены въ разныхъ мѣстахъ чугунныя скамьи съ гербами Русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, присланныя на мызу ли-

цами, гостившими у графа и изумлявшимися прекраснымъ ея устройствомъ; въ оранжереѣ разнообразныя растенія полуденныхъ странъ и плоды ихъ зрѣютъ, словно, на родной почвѣ; на близь-лежащемъ возвышеніи монументъ, поставленный въ память брата владѣльца А. К., павшаго со славою во время Турецкой войны; на горѣ, возносящейся въ видѣ скалы надъ уровнемъ земли, бюстъ Его Величества, Императора, съ чугунною вокругъ него рѣшеткою, превосходной отдѣлки, съ именами лицъ, сопровождавшихъ Августѣйшаго Гостя, при посѣщеніи Фалля. Чрезъ рѣчку, изъ моря вытекающую, перекинуты въ разныхъ мѣстахъ висячіе мосты съ чудными перилами; поодаль свѣтлой прудъ, за нимъ длинная аллея изъ тополей и такъ называемая березовая башня; наконецъ показываются изъ-за кустарниковъ нѣсколько домиковъ «Пономарева», въ сельскомъ вкусѣ снаружи, но съ изысканностію внутри—и мыза «Фена», Барона Штакельберга, съ ея зубчатыми стѣнами, построенная въ строгомъ стилѣ и господствующая надъ возвышеніемъ.—Однимъ словомъ, помѣстье графа Бенкендорфа, по словамъ многихъ, одно изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ, а самый замокъ есть зданіе богатое и великолѣпное въ отношеніи постройки, роскоши природы и искусства, сада и висячихъ мостовъ. Все это сдѣлано Штакеншнейдеромъ, Профессоромъ нашей академіи ху-

дожествъ, извѣстнымъ по многимъ монументальнымъ сооруженіямъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

При взглядѣ на эту роскошь на Сѣверѣ Россіи, воображеніе переносить васъ въ классическую Италію, подъ ея прекрасное небо, въ землю очарованную, гдѣ по словамъ поэтовъ, можно вкушать одно только счастіе.

—

По осмотрѣ всего замѣчательнаго въ столицѣ Эстоніи и ея окрестностяхъ, вздумалось мнѣ прокатиться въ «Гапсаль», около ста верстъ отъ города. Дорога перекидывалась чрезъ низменныя пространства и хороша во всякое время года, чему способствуетъ и самый грунтъ земли. Число верстъ на столбахъ означается не отъ станціи до станціи—какъ и вездѣ въ прочихъ мѣстахъ Россіи, а отъ города до другаго. Это, вѣроятно, по заграничному. На пятой верстѣ видѣется мыза г. Коха, о которой я упоминалъ уже; не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, обломки башни при осадѣ Ревеля Царемъ Грознымъ, а съ 14-й версты показалось зданіе хорошей архитектуры — это мызы Барона Унгернъ-Штенберга. Эсты или Чухонцы живутъ въ отвратительной нечистотѣ, такъ какъ и Чуваши: лачуги ихъ покрыты толстымъ слоемъ навоза—для теплоты; по срединѣ избы разложенъ въ очагѣ огонь и дымъ распро-

страняется облаками, проходя медленно въ растворенную дверь; около огня сидитъ семейство Чухонца и блаженствуетъ по своимъ понятіямъ объ удобствахъ жизни, внимая то визгу дѣтей, то крику домашнихъ животныхъ, картинно расположившихся съ молодымъ поколѣніемъ на соломѣ по угламъ обширной избы. Правду сказать, что картина эта пасторальная, но нисколько не идиллическая!

Населеніе по тракту не велико; кое-гдѣ встрѣтишь мызы дворянъ и деревушки поселянъ. На 17-й верстѣ дорога расходится на двое— одна идетъ въ Фалль, другая въ Гапсаль. Природа бѣдна и угрюма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а почва земли вообще неблагодарная. Какъ не вспомнишь губерніи, составляющія сердце нашей Россіи. Съ 81-й версты показался Гапсаль съ его готическою башнею и почтенными руинами на той сторонѣ залива и—вотъ я въѣзжаю въ этотъ городокъ. Тамъ не болѣе сотни домовъ, прямыя улицы имѣютъ мостовую получше Ревельской и содержатся въ чистотѣ, такъ точно, какъ съ «Сарептѣ», этой занимательной колоніи. Древность Гапсаля достопочтенна, потому, что въ стѣнахъ его много совершилось историческихъ событій. Между деревянными домами, десятка два каменныхъ, хорошая гостинница, двѣ церкви— Лютеранская, построенная въ 1690 году и въ

1774 возобновленная — и православная въ общественномъ зданіи, до окончанія новой, сооружаемой по красивому фасаду. Жителей въ Гапсалѣ до тысячи. Торговля его не велика и замѣчательно, что здѣсь находятся въ народномъ обращеніи кожаныя деньги, съ наименованіемъ двугривенныхъ и прочей мелкой серебряной монеты. Едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ встрѣтишь такіе денежные знаки?—Въ предмѣстіи города находится мыза Гр. Делагардія.

Здѣшнія воды славятся своею цѣлебностію; посѣтителей довольно, въ числѣ которыхъ пріѣзжаютъ и столичные аристократы. Здѣсь климатъ лучше Ревельскаго и главное достоинство водъ заключается въ томъ, что можно купаться въ морѣ, безъ вреда для здоровья до самаго Сентября, а въ Ревелѣ только до половины Августа. У самыхъ ваннъ построены домы съ прелестными флигелями — это просто игрушки, и проѣзжающій можетъ имѣть для себя и большую квартиру со всѣми возможными принадлежностями и маленькую, но уютную, со всѣмъ комфортомъ. Посѣтители платятъ хорошо — а это много помогаетъ городу.

Основаніе его относится къ 1279 году; но замокъ, развалины котораго сей часъ мы видѣли, построенъ былъ прежде, именно въ 1228. Вскорѣ послѣ того мятежные Эсты покоряются Тевтонами

и переносится въ Гапсаль изъ Пернова (8) Епископская каѳедра; Епископы управляютъ Гапсалемъ и ему даются отъ владѣтельныхъ лицъ разныя привиллегіи. Первая осада города была въ 1309, вторая въ 1341 г. со стороны поселянъ; возстаніе же противъ Нѣмецкихъ властителей вспыхнуло въ Ревельскомъ уѣздѣ—при чемъ 2 тысячи человѣкъ сдѣлались жертвою мятежа. Въ 1563 г. вступаютъ въ Гапсаль Шведы, берутъ послѣ мѣсячной осады замокъ и всѣ имѣнія, принадлежавшія капитулу и совѣту по праву сильнѣйшей стороны;

(8) Въ Гапсалѣ мнѣ передавали объ этомъ городѣ, основанномъ за 600 до сего лѣтъ, очень любопытныя вещи. Не смотря на свою малонаселенность (3 т. жит.), Перновъ даетъ городскихъ доходовъ 25 т. р. сер. и принадлежитъ къ важнымъ торговымъ пунктамъ, по выгодному положенію своему и сбыту произведеній. Двадцать Почетныхъ Гражданъ и купцовъ первой гильдіи, къ городу приписанные, суть двигатели торговли, производимой главнѣйше льномъ, отправляемымъ изъ здѣшняго Порта въ Великобританію и Португаллію. Слѣдующія данныя доказываютъ, съ какою быстротою увеличивается отпускъ льна: въ 1839 г. было отпущено 52, т. въ 1840 125 т., въ 1843 — 262 т. пудъ — и это увеличеніе отпуска льна должно отнести къ строгой его браковкѣ и добросовѣстности негоціантовъ, изъ которыхъ одинъ находится Бельгійскимъ Консуломъ. Въ заштатномъ городкѣ Феллинѣ есть дворянскій дѣвичій Институтъ, основанный Императоромъ Павломъ въ 1797 году; а остатки древностей, напоминаютъ славныхъ рыцарей, господствовавшихъ въ Эстоніи въ теченіи трехъ вѣковъ.

тотда положенъ конецъ, власти Епископовъ и каѳедра переведена въ Аренсбургъ, на островъ Эзель. Городъ началъ управляться Бургомистрами; въ 1575 онъ передается Датчанамъ, а въ слѣдъ за тѣмъ предсталъ предъ его стѣнами Русскій отрядъ. Хотя замокъ, построенный за полвѣка до основанія города, имѣлъ достаточный гарнизонъ, но туземцы здали его Русскимъ безъ условій. Такъ точно завоеваны ими и другіе окрестъ лежащіе замки. Чрезъ шестьнадцать лѣтъ, Шведы опять въ Гапсалѣ; войскомъ предводительствуетъ Горнъ: онъ беретъ городъ и осаждаетъ со всѣхъ сторонъ замокъ. Нашъ гарнизонъ защищается храбро, Шведы производятъ сильную канонаду, овладѣваютъ рвомъ, дѣлаютъ въ стѣнѣ проломъ и требуютъ безусловной здачи города. Русскіе не соглашаются, но видя, что Эстонцы постепенно передаются Шведамъ, рѣшаются на необходимость—вступить съ послѣдними въ переговоры—и такимъ образомъ поступаетъ во владѣніе Шведовъ городъ съ его округомъ. Въ 1610 году подтверждаются со стороны Густафа-Адольфа права, данныя его предшественникомъ Сигизмундомъ; спустя восемьнадцать лѣтъ, первый продаетъ замокъ съ городомъ за 67 тысячь талеровъ графу Делагардію, губернатору Эстоніи. По смерти сего послѣдняго, городъ поступаетъ въ управленіе сына

его, Канцлера Магнуса, потомъ Фельдмаршала Кёнигсмарея — и это былъ счастливый для Гапсаля періодъ; въ 1689 онъ пострадалъ отъ пожара, при чемъ сгорѣла церковь въ замкѣ съ колокольнею и башнею. А по одержаніи Петромъ Великимъ главной побѣды надъ Карломъ XII на поляхъ Малороссійскихъ, Гапсаль присоединенъ ко владѣніямъ Россіи вмѣстѣ съ остальною Эстляндіею.

Въ лѣтописяхъ этого города записаны важное событіе и памятный анекдотъ. Незабвенный Петръ пріѣзжаетъ въ Гапсаль 22-го Іюля 1710 года, останавливается тамъ на нѣсколько часовъ, осматриваетъ старый замокъ, отправляется въ Лейденъ, чтобы оттуда возвратиться въ Ревель. Слѣдуя чрезъ владѣнія дворянина «Рамма», государь посылаетъ сказать ему, что желаетъ посѣтить его и отобѣдать. «А я не хочу этого» — отвѣчаетъ Раммъ, опираясь на прежнія права, которыми пользовались безусловно владѣтели замковъ. Монархъ вспыхнулъ отъ гнѣва, пріѣхалъ въ замокъ и проучилъ по своему упрямаго защитника старины и потомъ всё-таки остался у него обѣдать. Во время стола, Петръ Великій узнаетъ хорошо хозяина и гнѣвъ свой замѣняетъ милостію. Доброта и умъ Рамма нравятся царственному Гостю; онъ мирится съ нимъ и прощаетъ за дерзость. Геній Петра, его ласъ-

ки, въ свою очередь очаровываютъ хозяина до того, что онъ готовъ былъ жизнію своею жертвовать побѣдителю. При прощаніи царь спрашиваетъ Рамма: «какой хочетъ отъ него милости?»—Государь! отвѣчаетъ хозяинъ, увлеченный чувствомъ безграничной преданности «подари мнѣ трость, которою меня наказывалъ; даръ сей будетъ памятникомъ моего заблужденія и вмѣстѣ царской милостью и великодушія Самодержца Россійскаго.» Государь разсмѣялся и отдалъ Рамму трость свою, которая донынѣ сохраняется съ благоговѣніемъ въ стекляномъ футлярѣ за печатью у его потомковъ—какъ мнѣ разсказывали жители Гансаля.

Императоръ Александръ изволилъ въ маѣ 1803 года посѣщать этотъ городъ. Домъ, видѣвшій въ стѣнахъ своихъ Державнаго Гостя, до-нынѣ существуетъ.

—

По прибытіи въ Гансаль я останавливаюсь у Г. Ф. . . . и вотъ у насъ начинается разговоръ.

— У васъ, Федоръ Петровичъ, очень миленькой домикъ и конечно, вы получаете порядочный доходъ?

— Не всегда, одинъ только вельможа изъ Петербурга заплатилъ мнѣ щедро и между тѣмъ сдѣлалъ много добра.

— Кто же именно?

— Александръ Степановичь Лавинскій.

— Да развѣ онъ квартировалъ у васъ?

— Какъ же: въ 1834 году, т. е. за 12 лѣтъ, Его Высокопревосходительство пріѣзжалъ сюда со своею дочерью, фрейлиною Государыни, для пользованія водами—и прожилъ у меня два мѣсяца. Что это за превосходной человѣкъ и какая у него душа! Онъ устроилъ счастіе дѣтей моихъ и когда это забыть можно?—Въ заключеніе разсказа, слёзы потекли изъ глазъ добраго старика.--Да развѣ вы знаете Александра Степановича?

— Я служилъ подъ его начальствомъ въ Сибири, и то, что вы говорите объ этомъ добродѣтельномъ сановникѣ, повыпѣ твердятъ многія тысячи—отъ Енисея до Камчатки.

Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная нечаянность: остановиться уроженцу береговъ Ангары въ томъ самомъ домѣ, который занималъ за двѣнадцать лѣтъ бывшій Генералъ-Губернаторъ, оставившій по отъѣздѣ своемъ изъ Иркутска столько воспоминаній во всё двѣнадцатилѣтнее тѣмъ краемъ управленіе.

Вотъ еще другой случай.

На третій день пріѣзда моего въ Гапсаль, пошелъ я съ хозяиномъ своимъ прогуливаться. На

пути встрѣчается намъ гарнизонный офицеръ. Сопутникъ мой знакомитъ меня съ нимъ и мы вступаемъ въ разговоръ.

— Давно вы здѣсь?—спрашиваю я инвалиднаго командира.

— Года два—не больше.

— Гдѣ служили до этого?

— Въ разныхъ мѣстахъ.

— Родина ваша?

— Она далеко, очень далеко отсюда и вы, милостивый государь, вѣрно, тамъ не были.

— Гдѣ же, на примѣръ?

— Въ Иркутскѣ, у Байкалъ-моря.

— Скажу вамъ, это и моя родина и выходитъ, мы съ вами земляки. Фамилія ваша?

— Поручикъ Г.....

— А позвольте узнать вашу?

— Такой-то.

— Въ Иркутскѣ я зналъ Пастора Беккера; мы жили въ сосѣдствѣ.

— Это мой батюшка.

Едва только произнесено это имя, какъ мой знакомый незнакомецъ воспоминаетъ тотчасъ старину и говоритъ мнѣ съ неописаннымъ восторгомъ: «такого случая я въ вѣкъ свой не забуду; я помню васъ, Вильгельмъ Ивановичь—и сталъ разсказывать про былое, воскресивъ тоже самое

и въ моей памяти. Мгновенно и я вспомнилъ, какъ мы, будучи въ одинаковомъ возрастѣ, живя въ сосѣдствѣ, проводили время въ дѣтскихъ забавахъ и Поручикъ прибавилъ, что меня звали не иначе, какъ «Пасторскимъ сыномъ.» Г.... оставилъ свою родину въ 1816 году и ровно чрезъ тридцать лѣтъ встрѣчаю я этого человѣка лицомъ къ лицу и гдѣ же? въ Эстоніи, на берегахъ Балтики! У насъ завязывается разговоръ, когда мы посѣтили квартиру Сибиряка и Ѳедоръ Петровичъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ этой сцены.

Съ оставленіемъ Иркутска въ 1841 году, сколько разъ довелось мнѣ имѣть свиданіе съ земляками и близкими знакомыми въ разныхъ мѣстахъ нашего царства и всегда нечаянно, а это увеличивало общій восторгъ. Одного изъ нихъ встрѣчаю чрезъ многіе годы въ Таганрогѣ, другаго на Кавказѣ, третьяго въ Финляндіи. Да мало ли кого ни встрѣчалъ, объѣхавъ почти всю Россію (9)?

—

(9) Вотъ крайніе пункты: Область «Якутская» и граница «Австріи»; Китайская Монголія и снѣжныя вершины «Эльборуса»; берега «Ангары и губерніи Астраханская.» Я былъ въ тридцати девяти губерніяхъ нашей имперіи.

Познакомился я въ Гансалѣ съ почтеннымъ пасторомъ Г. . . . Онъ живетъ тамъ сорокъ лѣтъ, наслаждается золотою посредственностію и пользуется общимъ уваженіемъ. Ученость и необыкновенная доброта этого патріарха, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ прекрасное цѣлое. Много разъ представлялся ему случай получить выгодное мѣсто чрезъ одного знаменитаго своего родственника, но старецъ ни за что въ мірѣ не хочетъ покинуть духовныхъ дѣтей своихъ, свою вторую родину и думаетъ похоронить тамъ кости свои.

—

Послѣ перваго свиданія съ Поручикомъ, я прожилъ въ Гансалѣ дней пять и видѣлся съ нимъ часто. Разговорамъ не было конца. Онъ благословлялъ судьбу, доставившую случай столкнуться такъ неожиданно съ человѣкомъ, передавшимъ ему столь много о миломъ Иркутскѣ, о святой родинѣ, откуда давно, очень давно не имѣлъ никакой вѣсточки. Я намекнулъ Поручику, что думаю по времени туда возвратиться. Землякъ позавидовалъ моей свободѣ и пожелалъ мнѣ отъ чистаго сердца всякаго счастія. Вотъ настала минута отъѣзда; на глазахъ товарища дѣтства навернулись слёзы—и онъ разстался со мною такъ, какъ разстаются съ умершими. Въ самомъ дѣлѣ, два края вселенныя отдѣляли его отъ родины; обремененный семействомъ и недостатками, могъ

ли этотъ человѣкъ и подумать, чтобъ удалось ему еще разъ взглянуть на быструю «Ушаковку, на смиренную Каю» и вообще на живописные окрестности Иркутска? Вотъ, что значитъ родина! Не даромъ говорится: «когда пострaнствуешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.» Великая истина! Одинъ только философическій деспотизмъ съ нею не согласуется. Онъ всё твердитъ: «человѣкъ есть гражданинъ вселенной,» но это правило слишкомъ стоическое—и я думаю, что ни Французъ, ни Лапландецъ, безъ тяжкой необходимости, его не примутъ.

—

По возвращеніи моемъ въ Ревель въ половинѣ Августа, объявляютъ чрезъ афиши до свѣдѣнія публики, что въ «Гельзингфорсъ», отстоящій отъ Ревеля въ 80-ти верстахъ, отправляется пароходъ «Меншиковъ.» Возможно ли было пропустить такую оказію? ([10]). Въ 9 часовъ утра мы отправляемся. Погода прекрасная, пассажировъ довольно; всѣ хотѣли воспользоваться послѣднимъ путешествіемъ (die letzte Lustreise)—и разгуливали по палубѣ. Исполинъ Олай возносился

(10) Каждый пассажиръ платитъ три цѣлковыхъ въ передній и обратній путь и пароходъ возвращается чрезъ двои сутки; плаваніе же совершается отъ Ревеля до Гельзингфорса, при хорошей погодѣ въ 5—6 часовъ.

среди этой массы зданій, конечно вѣковыхъ и виднѣлся верстъ за тридцать; въ полдень стали рисоваться вѣковые граниты Финляндіи, воспѣтые Баратынскимъ, далѣе показалась Свеаборгская крѣпость, эта непоколебимая твердыня, а въ слѣдъ за тѣмъ мелькнули въ прелестной панорамѣ и зданія самаго Гельзингфорса—съ его красивою набережною. Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на знаменитую крѣпость и если не довелось мнѣ видѣть первую въ мірѣ Гибралтаръ, то гордился уже тѣмъ, что видѣлъ, по крайней мѣрѣ, вторую. Мы всё ближе и ближе, но въ одинъ мигъ открывается великая картина: безграничное море, чистое, ясное небо и среди этого свѣтлоголубаго полушарія, среди моря, возвышается островъ изъ камня; граниты покоятся на гранитахъ—и предъ вами неприступный Свеаборгъ съ его твердынями; чрезъ нѣсколько минутъ представилась, какъ на ладони, столица Финляндіи въ ея чудномъ великолѣпіи.

Было Воскресенье; народъ толпился у пристани близъ краснорѣчиваго монумента, воздвигнутаго лѣтъ за двадцать признательными гражданами Гельзингфорса въ честь посѣщенія его Государынею Императрицею, покровительницею города—и мы ступили на берегъ, обмываемый бухтою, отъ чего городъ кажется не при Финскомъ заливѣ, а какъ будто лежащимъ у большой рѣ-

ки. Главнѣйшіе обращаютъ на себя вниманіе: Сенатъ, Университетъ, Соборъ, Обсерваторія, Театръ, Воксалъ при заведеніи минеральныхъ водъ; наконецъ Ботаническій садъ.

Я поднялся прямою улицею, по природному, гранитному тротуару, и взглянулъ сначала на «обсерваторію» противъ гостинницы, построенную на скалѣ. Архитектура ея внѣшняя и внутренняя уподобляется Пулковской Обсерваторіи. Все это показывала дѣвушка, которыя исполняютъ здѣсь обязанности чичероне, какъ за границею. Видъ съ Обсерваторіи прекрасной и дикой, свойственный характеру Финляндіи: оттуда являются въ дивной панорамѣ и городъ и крѣпость и окрестности. Потомъ отправился на Сенатскую площадь. Величественныя зданія «Сената» и «Университета» принадлежатъ къ сооруженіямъ монументальнымъ. Устройство послѣдняго превосходно по многимъ отношеніямъ. Покрытыя зеленымъ сукномъ скамьи расположены амфитеатромъ. Кабинетъ рѣдкостей довольно богатъ, заключающійся главнѣйше въ одеждѣ и оружіи дикихъ племенъ, населявшихъ Финляндію, а также средне-вѣковыхъ рыцарей. Надъ куполомъ зданія устроена гимнастическая зала. Однимъ словомъ, Александровскій университетъ есть дивный храмъ просвѣщенія. Во всю длину фаса, обращеннаго къ морю, тянется скала въ обдѣланномъ видѣ, въ

родѣ кубическаго пьедестала и на верхней части этого колоссальнаго подножія воздвигнутъ Соборъ, соединяющій въ себѣ великолѣпіе, величіе и стройность, а высота подножія придаетъ ему чудесной видъ. Зданіе по своей архитектурѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Петербургскимъ Троицкимъ Соборомъ: каждая сторона его украшается восьмью колоннами Дорическаго ордена, а небесно-голубый куполъ храма усѣянъ золотыми звѣздочками. Кромѣ сего послѣдняго, находятся четыре приходскія церкви, изъ которыхъ двѣ православныя.—Зданіе Сената въ три этажа, подобно Университетскому. Въ залахъ его собраній, лежатъ на столахъ Библіи и это введено съ незапамятныхъ временъ. Ботаническій садъ, гдѣ посреди шиповника и сирени произрастаютъ подъ стеклянными навѣсами померанцы, бананы и другія растенія тропическихъ странъ—малымъ чѣмъ уступаетъ окрестнымъ садамъ Петербурга; только мало тѣни. Въ концѣ липовой аллеи, здѣшняго бульвара, содержимаго въ удивительной чистотѣ, находится театръ—это деревянное, довольно красивое зданіе, правда, не столь обширное, какъ на примѣръ, въ Саратовѣ, но за то не въ примѣръ лучше послѣдняго, въ отношеніи фасада, обстановки и игры артистовъ, пріѣзжающихъ на лѣто изъ разныхъ мѣстъ. Морскія купальни и заведеніе искуственныхъ мине-

ральныхъ водъ, устроенныя за нѣсколько верстъ отъ города, почитаются лучшими въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Тамъ раскинутъ Англійскій садъ на мѣстѣ, гдѣ еще не за долго былъ сплошной камень. Прекрасной морской воздухъ, живописныя окрестности, дешевое помѣщеніе, пріятная жизнь, удобство сообщенія Гельзингфорса со многими большими городами посредствомъ параходовъ — всё это привлекаетъ туда множество посѣтителей. Да, воды тамошнія извѣстны по цѣлебности и своимъ устройствомъ превосходятъ Ревельскія и Гапсальскія, а слѣдственно, едва ли уступаютъ и заграничнымъ. Надобно пожалѣть, что люди, владѣющіе средствами изъ числа живущихъ въ Петербургѣ, не хотятъ воспользоваться этимъ наслажденіемъ въ часы свободы. Морскія ванны укрѣпляютъ тѣло, разстроенное непостоянною или неправильною столичною жизнію и человѣкъ получаетъ по окончаніи пользованія водами какое-то обновленіе, какъ бы новую жизнь. Это я испыталъ на себѣ, принимая морскія ванны въ Ревелѣ. Впрочемъ, желающіе пользоваться ими, должны начать сперва съ теплыхъ ваннъ, число которыхъ зависитъ отъ сложенія человѣка и отъ совѣта доктора—и потомъ уже приступать къ холоднымъ. Купанье въ морѣ продолжается до самаго Сентября, ибо вода теплѣе, чѣмъ въ Ревелѣ, но самое лучшее

время для пользованія іюнь мѣсяцъ—въ эту пору теплота воды по Реомюру 14—18°/₀.

На одномъ изъ береговъ Ботаническаго сада устроенъ воксалъ, гдѣ прислуживаютъ дѣвушки, какъ въ Сарептской гостинницѣ и въ Столицѣ Польскаго Царства. Удивительный порядокъ и чистота, спорятъ между собою и поражаютъ новаго гостя. Зала обширна, хорошо освѣщена, оркестръ превосходный. Туда въ Воскресные и праздничные дни собирается много народа изъ всѣхъ сословій. Всюду царитъ непринужденность, свобода, простота: рядомъ съ Генераломъ прохаживается ремесленникъ, прилично одѣтый. Никто не нарушаетъ уставовъ приличія, всѣ держатъ себя хорошо и подчиняются этикету. Дамы одѣваются со вкусомъ и время проводится на балахъ превесело.

Здѣшнія лавки, при первомъ обзорѣ ихъ, удивятъ васъ своимъ изумительнымъ разнообразіемъ. Что вы тамъ не увидите? Какая нибудь цѣнная вещь, предметъ роскоши и изысканности—и возлѣ нея самая мелочная. Все можно купить дешево. Замѣчу еще, что очень дешевы номера въ здѣшнихъ гостинницахъ, а кушанье и того дешевле. Готовятъ прекрасно; о винахъ и говорить нечего, если кто вспомнитъ, въ Гельзингфорсѣ порто-франко. Лучшая гостинница, по набережной, и я не думаю, чтобъ гдѣ либо не только въ

губернскомъ, но и уѣздномъ городѣ, можно было нанять чистенькую комнату, довольно просторную и полную комфорта—за полтинникъ. За общій столъ, накрываемый для посѣтителей въ прекрасной залѣ и состоящій изъ пяти блюдъ, каждый платитъ по 35 коп. сер. Въ верхнемъ этажѣ, за такой же номеръ, не много по меньше, 30 коп. сер. Знаете ли, сколько платится въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи, за комнату въ сутки, слишкомъ не изысканную? — Цѣлковый. А въ дни ярмарки эта цѣна восходитъ до трехъ и пяти цѣлковыхъ.—Въ Гельзингфорсѣ дешевы и извощики, употребляющіе для своей ѣзды хорошіе экипажи: въ часъ по двугривенному, т. е. втрое дешевле противъ Кіева и Харькова. Раздолье, да и только—погулять по городу въ покойныхъ пролеткахъ, запряженныхъ славною лошадью. Скажу теперь въ заключеніе, что лѣстницы домовъ, занимаемыхъ гостинницами, усыпаются ельникомъ—а это наводитъ на путешественника какую-то грусть. Таково обыкновеніе у Финляндцевъ, перешедшее къ нимъ, статься можетъ, отъ Скандинавовъ.

Гельзингфорсъ имѣетъ портъ одинъ изъ обширныхъ, безопасныхъ и самыхъ укрѣпленныхъ въ мірѣ, защищенъ Свеаборгомъ, который по неприступному положенію, по грозному виду извнѣ и извнутри, можно, по справедливости, назвать

«Сѣвернымъ Гибралтаромъ». Его гранитныя стѣны и грозныя батареи построены на семи гранитныхъ островахъ, расположенныхъ въ видѣ полукружія; между этими островами единственный проходъ въ гавань для военныхъ кораблей. Главные острова соединены между собою плашкоутными мостами. Тамъ воздвигнуты оборонительныя казармы въ размѣрахъ смѣлыхъ и колоссальныхъ; тамъ всё на скалахъ и изъ скалъ, но печальный видъ сѣраго гранита оживляется зеленью небольшихъ садовъ, разведенныхъ на землѣ насыпной. Видъ съ моря на Свеаборгъ и вмѣстѣ на Гельзингфорсъ, истинно чудесный.

Первый отстоитъ отъ послѣдняго въ семи верстахъ и отлично рисуется въ ясную погоду. Для осмотра крѣпости и близъ лежащихъ гранитныхъ острововъ, употребляются небольшіе параходы сажени двѣ въ длину, соотвѣтственной ширины; управлются двумя мальчиками. Узенькая труба парахода едва-едва дымится. За гривенникъ, много за двугривенный — вы можете прокатиться по заливу, погулять, посмотрѣть занимательныя вещи и на томъ же параходѣ возвратиться назадъ. Впрочемъ довольно опасно путешествовать на такихъ параходахъ, потому что, въ случаѣ небольшаго вѣтра, легко можетъ случиться несчастіе. Однако не всѣ обращаютъ на то вниманіе.

Вообще Гельзингфорсъ, этотъ главный городъ В. К. Финляндскаго и мѣстопребываніе Императорскаго Финляндскаго Сената, можетъ назваться Петербургомъ въ миніатюрѣ и однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Въ отношеніи устройства своего, онъ растётъ также быстро, какъ и Петербургъ. Возобновленный въ 1815 году, первый сталъ отстраиваться и украшаться съ быстротою, едва вѣроятною, точь въ точь, какъ Одесса, созданіе Дюка Ришелье. На мѣсто ветхихъ домовъ съ коническими крышами, появились многія великолѣпныя зданія, которыя могли бы составить украшеніе любой изъ Европейскихъ столицъ. Улицы прямыя, длинныя, въ ширину саженъ восемь, разрѣзывающіе городъ на правильные квадраты; мостовая—прелесть, ну, право не хуже Петербургской, въ видѣ красивыхъ узоровъ; вездѣ гранитные протуары, превосходно отдѣланные. Деревянные домы построены на фундаментѣ изъ такого же камня—и это очень мило. Да и какой же гранитъ! Всюду видны довольство и чистота. Жителей въ Гельзингфорсѣ тысячь четырнадцать и площадь, городомъ и форштатомъ занимаемая, довольно обширна. Въ послѣднемъ вы встрѣчаете простые домики скромной наружности.—Для уравненія мѣстъ, взрывали гранитные утесы, проводили по нихъ широкія, прямыя улицы и нагота гранита одѣвалась цвѣтущею

зеленью. На огромныхъ камняхъ, прикрытыхъ слоемъ искуственной почвы, устроены пашни, и растенія, тамъ посѣянныя, получая жизнь, даютъ безбѣдное туземцамъ пропитаніе. Въ этомъ случаѣ трудолюбіе Финновъ уподобляется Китайскому.

—

Не лишнее упомянуть здѣсь, что начальное завоеваніе Финляндіи приписывается Шведскому Государственному Ярлу (11) Биргеру, извѣстному по изданію мудрыхъ для Швеціи законовъ, но варварскій поступокъ этого человѣка въ умерщвленіи, по видамъ политики, родныхъ братьевъ своихъ—какъ гласятъ страницы Исторіи— помрачилъ славу его въ глазахъ современниковъ и потомства. Что же касается до самаго Гельзингфорса, то основаніе его относятъ къ 1649 году.

—

Изъ Гельзингфорса обратился я въ Ревель, жалѣя, что время не дозволило мнѣ быть тогда же въ Ливоніи и Курляндіи и что не могъ взглянуть на Иматру, извѣстный водопадъ. — Оставалось одно—прокатиться въ другой разъ, чтобы уже кстати осмотрѣть Университетъ Дерптскій, замѣчательное святилище наукъ.

—

(11) Графъ или Болринъ.

Въ началѣ іюня 1847 г. совершено мною съ этою цѣлію вторичное путешествіе на одномъ изъ Шведскихъ пароходовъ. Въ числѣ пассажировъ находились студенты и заслуженые ветераны : первые расхаживали по палубѣ , безпечно покуривая свои сигары и любезничали съ молоденькими дамами ; послѣдніе флегматически посматривали на всё , ихъ окружающее и радёхоньки были случаю завести съ кѣмъ нибудь разговоръ о походахъ, особенно одинъ Генералъ, раздѣлявшій побѣды свои съ Потемкинымъ и Суворовымъ. Какая осанка, какое мужество на лицѣ 80-ти лѣтняго воина! Какъ онъ здоровъ еще и свѣжъ, не смотря на свои раны , о которыхъ столько разсказывалъ ! Это человѣкъ прежняго поколѣнія, скованный, кажется, изъ стали.

Надо было подплыть намъ къ Ревелю , чтобы принять пассажировъ, отправлявшихся въ Ригу и оставить тѣхъ , которые не желали слѣдовать далѣе. Шкиперъ объявилъ намъ , что пароходъ пробудетъ въ рейдѣ два часа и что еслибы кто изъ насъ вздумалъ побывать въ Ревелѣ , то можетъ этимъ воспользоваться. Сдѣлалось пасмурно и довольно свѣжо, сталъ накрапывать дождь , но я за всѣмъ тѣмъ хотѣлъ еще разъ посѣтить городъ : вотъ захожу въ гостинницу на морской улицѣ къ прежнему знакомому хозяину, у котораго въ прошедшемъ году останавливался. Ста-

рикъ обрадовался и мы размѣнялись разговорами. Это въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, истый морякъ во всѣхъ отношеніяхъ, проведшій въ званіи шкипера купеческихъ судовъ болѣе полустолѣтія. Гдѣ онъ не бывалъ и чего не видалъ? Разсказы его увлекательны.

По минованіи отъ Ревеля восьмидесяти верстъ, пароходъ нашъ долженъ былъ остановиться по причинѣ сильнаго тумана. Стоянка продолжалась цѣлые восемьнадцать часовъ. Скучно такое бездѣйствіе, да нечего дѣлать! Мѣста опасныя: какъ разъ наткнешься на мель или на подводный камень. Долго ли до грѣха! Мои спутники проводили это время въ преферансѣ и выказывали себя славными игроками, а я не могъ раздѣлять ихъ удовольствія, потому, что доселѣ не посвященъ въ таинства игры. Нынѣ всякой порядочной человѣкъ играетъ въ карты, но я, за всѣмъ тѣмъ, на перекоръ всему, не имѣю къ нимъ ни малѣйшаго пристрастія.

На третій день по оставленіи Петрополя, показалась земля: на правой сторонѣ обрисовались острова Даго и Вормсъ, жительство феодальныхъ бароновъ, на лѣвой сторонѣ замокъ Делагардія, о которомъ я говорилъ уже — и городокъ Гапсаль ([12]). Потомъ явился «Балтійскій Портъ», но-

(12) Отъ Гапсаля до острова Даго считается 45 верстъ и плаваніе совершается на небольшихъ лодкахъ.

сившій до 1762 года названіе «Рогервика», гдѣ, по мысли Екатерины II, предположено устроить главный военный Портъ въ Россіи. Когда-то ссылали въ Рогервикъ преступниковъ въ работу за тяжкія вины. Тамъ находился, въ числѣ прочихъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ, извѣстный «Ванька-Каинъ».

Съ брантвахты подплываютъ къ намъ въ шлюпкѣ таможенные чиновники и исполняютъ свою обязанность. До Риги ([13]) еще четырнадцать верстъ; по минованіи же Дюнаминда, крѣпости на острову, взору нашему представились древнія, готическія башни портоваго города—и параходъ нашъ останавливается у пристани, противъ замка.

Мнѣ хотѣлось, по прибытіи въ главный городъ Ливоніи, безъ замедленія отправиться въ Митаву, чтобы поспѣть къ праздникамъ, по случаю Иванова дня, продолжающимся цѣлую недѣлю, начинающимся по Календарю Грегоріанскому съ 12-го Іюня, а съ окончаніемъ этихъ праздниковъ (и ярмарки) обратиться въ Ригу, чтобы тамъ снова отпраздновать канунъ Иванова дня въ 23-е Іюня. Я беру билетъ въ конторѣ дилижансовъ

---

(13) Рига отъ Петербурга сухимъ путемъ 565 верстъ; чрезъ Ревель 700, но моремъ будетъ меньше.

([14]), устроенныхъ для удобства сообщеній сосѣдственныхъ городовъ—и мы отправляемся. Дорога чудная на всемъ ея протяженіи 38-ми верстахъ; такого шоссе рѣдко гдѣ встрѣтишь въ провинціи. Мѣстоположеніе ровное, природа бѣдна, но по отъѣздѣ верстъ двѣнадцати, она является въ лучшей декораціи; населеніе не велико; однѣ только небольшія мызы здѣшнихъ дворянъ мелькали въ отдаленіи, но въ замѣнъ того, мы встрѣчали на пути множество фуръ, набитыхъ въ полномъ значеніи этого слова Израильтянами обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ—и онѣ тащились медленнымъ шагомъ. Какъ это сходно съ картинкою, изображающею жидовъ, ѣдущихъ на шабашъ! Они не имѣютъ ни малѣйшей жалости къ благороднымъ животнымъ, содержимымъ такъ хорошо на островѣ Европейскаго материка. Попадались намъ и легкіе, запряженныя четверкою линейки, въ которыхъ помѣщается пятьнадцать пассажировъ, по три въ рядъ — и въ заключеніе толпа мальчиковъ и дѣвочекъ въ лохмотьяхъ, бѣжавшихъ за экипажемъ съ оглушающимъ крикомъ, испрашивая себѣ подаянія. Надобно было удивляться быстрому ихъ бѣгу, потому что они ни

(14) Первое мѣсто въ каретѣ три четверти рубля, второе полтинникъ — и путешествіе совершается въ три съ половиною часа, съ кратковременною остановкою на станціи.

за что не хотѣли отстать отъ дилижанса. Дѣвочки бросали въ растворенныя его окна вѣнки изъ цвѣтовъ; два изъ нихъ упали къ ногамъ моего сосѣда, веселаго Дерптскаго студента. Слѣдовало и имъ что нибудь кинуть изъ мелкой монеты, хотя по правдѣ сказать, во сто разъ пріятнѣе бы, когда подобные вѣночки брошены были взрослыми, миленькими дѣвушками, иначе притомъ одѣтыми. Послѣ того дорога перекинулась чрезъ густой лѣсъ, перемѣшанный съ подростками—и безлѣсныя равнины; мы прибыли на станцію, не много позавтракали и пустились далѣе. Съ каждымъ шагомъ близость Митавы становилась ощутительнѣе; по минованіи же замка бывшихъ Курляндскихъ Герцоговъ, мы ее достигаемъ. Надобно пожалѣть, что это зданіе не въ центрѣ города, а отдѣлено отъ него обширною поляною, что производитъ на путешественника не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Какое ничтожное разстояніе, подумалъ я, отдѣляетъ губернскій городъ отъ другаго! А въ Сибири? Тамъ и уѣздные города отстоятъ другъ отъ друга на тысячу и болѣе верстъ.

Съ трудомъ могъ я пріискать себѣ квартиру въ ярмарочное время и то чрезъ одного услужливаго фактора. Здѣсь таже исторія, что въ Ревелѣ: владѣлецъ дома ни почему не уступитъ вамъ изъ дорогой цѣны, которую получалъ прежде

и отъ сего многіе домы съ вывѣсками объ отдачѣ ихъ въ наемъ желающимъ, остались не занятыми. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота изъ людей не богатыхъ, платить въ три-дорога! Потомъ началъ я осматривать городъ. Онъ раскинутъ на равнинѣ и мѣстоположеніе его, въ нѣкоторыхъ частяхъ, уподобляется Иркутску; не значительная рѣка Ла обтекаетъ Митаву съ трехъ сторонъ. Здѣсь считается болѣе двадцати тысячь жителей и только пять христіанскихъ церквей, да три Еврейскихъ синагоги ([15]). Изъ первыхъ — двѣ Евангелическихъ, Католическая, Финская и Православная, всѣ обширныя. Евангелическія построены въ вѣкъ реформаціи Лютера, послѣднія въ позднѣйшее время. Домовъ тоже не много, сравнительно съ массою народонаселенія—меньше тысячи ([16]); въ этомъ числѣ четвертая часть каменныхъ. Это показываетъ, какъ тѣсно живетъ низшій и средній классъ народа и сколь должны быть обширны нѣкоторыя зданія. Первое мѣсто,

---

(15) А въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ бывшаго Владимірскаго Великокняжескаго владѣнія, какъ 1 къ 145, противъ Митавы болѣе въ семьнадцать разъ.

(16) Въ Иркутскѣ, при 16-ти т. населенія, болѣе двухъ тысячь домовъ, въ числѣ которыхъ довольно большихъ и даже огромныхъ. Можно судить, какой тамъ просторъ!

занимаетъ, безспорно, замокъ, подъ названіемъ дворца, въ отношеніи его объема и величественнаго фасада, строенный тѣмъ же Графомъ Растрелли, который въ вѣкъ Елисаветы сооружалъ зимній Петербургскій дворецъ. Въ замкѣ помѣщаются присутственныя мѣста, начальникъ Губерніи, Вице-Губернаторъ и много другихъ лицъ— со всевозможными удобствами. Изъ домовъ частныхъ не очень много такихъ, которые бы обращали вниманіе своимъ фасадомъ, но большихъ все таки довольно—какъ и выше мною замѣчено. Объ гостинницѣ Цана, одной изъ лучшихъ, не льзя прейти молчаніемъ и что тамъ номера въ Ивановскую недѣлю не помѣрно цѣнны. Театръ здѣшній нисколько не занимателенъ по наружности и по внутренней обстановкѣ; все это въ страшной ссорѣ съ архитектурою и со вкусомъ. Нѣкоторыя изъ трактирныхъ и другаго рода заведеній, имѣютъ замысловатыя надписи на Нѣмецкомъ и Еврейскомъ; на иныхъ домахъ замѣняютъ надписи изображенія: такъ, на воротахъ дома, гдѣ живутъ мясники, нарисовано животное съ рогатой головой. Улицы довольно прямыя и длинныя, а главная изъ нихъ, раздѣляющая городъ на двѣ части, имѣетъ порядочную ширину; жаль только, что онѣ не обставлены тротуарами; жители путешествуютъ больше по срединѣ улицъ, гдѣ линія мостовой плитообразнаго очертанія.

Какъ не имѣть тротуаровъ въ значительномъ Губернскомъ городѣ, когда и въ порядочныхъ уѣздныхъ городахъ, на прим. Бѣлевѣ, Козловѣ, Ельцѣ—онѣ устроены? И гдѣ видано, чтобы дамы, пожалуй, и не высшаго круга, разодѣтыя въ пухъ, прохаживались по срединѣ мостовой и то, Богъ знаетъ, по какой—въ легонькихъ башмачкахъ! Неудобства эти, конечно, не замѣчаются лицами, пользующимся избыткомъ и разъѣзжающимъ по улицамъ въ спокойныхъ экипажахъ. Впрочемъ, главная прогулка дѣлается по городскимъ окрестностямъ и въ чертѣ города—въ лѣтнее время. Публичный садъ Графа Лиліенфеста, перешедшій къ нему отъ Медема, родоначальникъ котораго, Орденсмейстеръ Фонъ-Медемъ, основалъ Митаву въ 1271 году, довольно обширенъ и хорошо устроенъ; стеченіе публики бываетъ тамъ многочисленное, особенно въ дни праздничные и воскресные. Въ мое время давался въ этомъ саду концертъ: вотъ являются на сцену бородатые артисты, помѣщаются на особомъ помостѣ и исполняютъ свое дѣло очень удачно, при рукоплесканіяхъ публики. Есть два-три сада за чертою города, но тѣ составляютъ одно лишь гулянье народное. Видѣлъ я въ Митавѣ «Эрнста», однако посѣтителей въ театральномъ зданіи было не много, не смотря на извѣстность этого человѣка въ музыкальномъ мірѣ.

На ярмарку съѣхалось отовсюду довольно народа, но все мало, сравнительно съ прежнимъ временемъ, потому что торговля примѣтно стала упадать и теперешніе обороты капитала не значительны. Жиды здѣшніе, которыхъ появилось довольно въ стѣнахъ Митавы, по случаю ярмарки, всѣ почти носятъ Нѣмецкое платье, и вамъ обличаетъ поклонника Талмудова ученія, одно только произношеніе его съ Еврейскимъ акцентомъ.

—

Курляндія завоевана въ 1247 г. Рыцарями Тевтонскаго ордена, по соединеніи сихъ послѣднихъ съ Меченосцами, а собственно Митава нѣсколько позднѣе—какъ выше упоминалъ я. Тамъ пребывали со второй половины XVI столѣтія Герцоги; это продлилось до 1795 года. Въ промежуткѣ сего времени уступается Ливонія, занятая Русскими войсками, Польшѣ—и Курляндскій Герцогъ Готгардъ Кетлеръ оставляетъ за собою одну Курляндію, поступившую въ послѣдствіи въ число нашихъ владѣній. При Екатеринѣ I находился Герцогомъ Фердинандъ, а эта достопамятная эпоха напоминаетъ властолюбиваго Меншикова, замышлявшаго быть Герцогомъ не упраздненнаго еще престола. По тогдашнимъ обстоятельствамъ не льзя было бороться съ сильнымъ временщикомъ и оставалось одно — предложить ему отъ

лица Принца Морица Саксонскаго значительный кушъ только за то, чтобъ оставилъ свои замыслы. Къ Меншикову отправляется объ этомъ депеша, но враги перехватываютъ ее — и странная игра случая! это самое письмо, съ кончиною Императрицы, служитъ однимъ изъ главныхъ, обвинительныхъ пунктовъ суда, наряженнаго надъ царедворцемъ, достигшимъ своего апогея и свергнутымъ съ высоты славы и величія.

—

Въ разныхъ мѣстахъ Курляндіи находятся развалины древнихъ замковъ, построенныхъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, напоминающихъ господство феодальныхъ бароновъ и славныхъ рыцарей. Собственно же въ Митавѣ нѣтъ подобныхъ памятниковъ старины между частными и общественными строеніями. По крайней мѣрѣ, я ихъ не замѣтилъ во время своего кратковременнаго тамъ пребыванія.

—

Прежде оставленія этого города, вздумалось мнѣ взглянуть на его окрестности; вотъ я отправляюсь по теченію рѣки въ маленькой лодкѣ до мызы N и смотрю на все глазами любопытства. Воображеніе переноситъ меня за семь тысячъ верстъ, на берега классической Ангары, въ далекій Иркутскъ, гдѣ провелъ долгіе годы жизни своей — и нахожу, что окрестности Митавы далеко

не столь живописны, какъ Иркутскія. Вода въ рѣкахъ тамошнихъ чистая и прозрачная, какъ хрусталь, а въ рѣкѣ, по которой плылъ я, очень мутная. А Сибирская флора? Ну, какъ сравнить ее съ Курляндскою. Довольно времени провелъ я у словоохотнаго хозяина моей квартиры, человѣка съ порядочнымъ образованіемъ — и на вопросъ его: нравится ли мнѣ мѣста, отвѣчалъ отрицательно, и что, на примѣръ, въ Сибири онѣ лучше.

— Да это не можетъ быть.

— Отъ чего же?

— Помилуйте, тамъ страшная глушь, морозы зимою не выносимы, ѣздятъ на собакахъ и жизнь, конечно, самая скучная и однообразная ([17]).

— Вотъ то-то нѣтъ: всѣ вы, господа, заблуждаетесь на счетъ края. Есть тамъ, правда, и много скучныхъ мѣстъ, на Сѣверѣ Сибири, у Ледовитаго моря, въ странахъ полярныхъ, гдѣ нибудь въ

---

(17) Подумаешь, какъ еще мало извѣстна страна въ кругу низшемъ! А что писалъ о самой Москвѣ и вообще о Россіи «Герберштейнъ», этотъ великій ученый мужъ, за три столѣтія? Онъ называлъ ее страною «полночною», населенною медвѣдями и что жить тамъ не безопасно. А объ нашей Сибири, богатой, неисчерпаемой Сибири, не писалъ и этого, не зная, существуетъ ли она на бѣломъ свѣтѣ.

Среднеколымскѣ, Березовѣ, но гдѣ же ихъ и нѣтъ?

— Но все-таки справедливо, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ?

— Совершенно справедливо, да гдѣ же это дѣлается? Въ Охотскомъ краѣ, въ Камчаткѣ, отсюда десять-тринадцать тысячь верстъ—не болѣе. Вижу, что вы мало слышали объ этой странѣ, а еще менѣе читали.

— Я ничего рѣшительно не читалъ о Сибири на Нѣмецкомъ, а слышалъ объ ней довольно, но выходитъ, что эти слухи не совсѣмъ правдоподобны.

— Именно такъ. Сибирь есть край, до нынѣ не початой и не развѣданный, не смотря на теперешнюю цивилизацію—и который еще требуетъ тщательнаго, долговременнаго изученія. Нужно ли удивляться этому? Сибирь занимаетъ площадь, втрое болѣе Европейской Россіи, т. е. триста тысячь географическихъ квадратныхъ миль и между тѣмъ болѣе всей Европы 74 т. квадратными милями. На этомъ необъятномъ пространствѣ, съ небольшимъ два милліона населенія (18), меньше, чѣмъ въ

(18) Въ Тобольской Губерніи считается до милліона населенія, Иркутской съ областями Забайкальскою и Якутскою свыше пол-милліона, Томской 400 т., Енисейской 200

одномъ Пекинѣ! Послушайте, отъ «Березова», куда былъ сосланъ Меншиковъ, великій временщикъ и столь же великій въ несчастіяхъ—до «Нижнекамчатска», безъ малаго десять тысячь верстъ, тогда, какъ отъ Петербурга до Лиссабона далеко нѣтъ и половины. Судите изъ этого, какъ велики должны быть Губерніи ([19]), ихъ уѣзды и даже волости. И одна изъ послѣднихъ вмѣститъ въ себя, пожалуй, двѣ-три Нѣмецкія державы; а любое селеніе въ Россіи, больше инаго Нѣмецкаго Герцогства ([20]).

Между тѣмъ, какъ содержатель мызы слушалъ

т., Камчатской менѣе 10 тысячь. Слѣд. одна изъ Сибирскихъ Губерній, вмѣщаетъ въ себѣ почти столько же населенія, сколько четыре, но за то одна Иркутская равняется остальнымъ по своему объему. Площадь, занимаемая Сибирью, до-нынѣ не измѣряна, по естественной невозможности, исключая уѣздовъ, болѣе населенныхъ; однакожъ можно опредѣлить въ Иркутской Губерніи приблизительно болѣе 50 т. квадратныхъ десятинъ земли, способной для хлѣбопашества и пр.; на квадратную же версту не приходится по всей Сибири и по одному человѣку, а въ Саксоніи по 4 т. чел. на квадратную Нѣмецкую милю!

(19) Не болѣе, какъ за годъ, было четыре Губерніи, до открытія Камчатской, и областей Якутской и Забайкальской.

(20) Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ писалъ между прочимъ, что въ теченіи одной недѣли онъ былъ во время отечественной войны въ трехъ государствахъ—въ Прусской Силезіи, Саксоніи и Баваріи.

меня съ постепенно-возрастающимъ вниманіемъ, входятъ въ комнату двѣ дѣвушки — взрослая и несовершенныхъ лѣтъ, дочери его.

— Вы разсказываете любопытныя вещи, замѣтила старшая. Пожалуйста, передайте намъ побольше о Сибири, которую, какъ видно, хорошо знаете.

— Я родился на берегахъ Ангары: въ Иркутскѣ проведены незабвенные годы моей жизни и съ какою-то гордостію называю себя «Сибирякомъ». И такъ извольте меня слушать. Сѣверъ этой дѣвственной страны не столько интересенъ, какъ юговосточная ея часть, гдѣ и населенія гораздо больше. Но обитатели перваго, сроднясь съ климатомъ и этими страшными морозами, вѣрно, не промѣняютъ скучной родины своей на голубое небо Италіи. И на берегахъ Ледовитаго моря царитъ все таже чудная природа, съ ея сѣверными сіяніями, громадными ледяными горами, на которыхъ играютъ холодные лучи солнца! И тамъ живутъ люди въ пасторальной простотѣ, довольные своей судьбою! Звѣриные промыслы доставляютъ туземцамъ вѣрныя, надежныя средства существованія и даже избытокъ, какъ между тѣмъ въ отечествѣ Тасса, претерпѣваетъ простой народъ неописанную нужду въ необходимостяхъ жизни. Въ Юговосточной полосѣ Сибири климатъ довольно умѣренный и вы можете

тамъ встрѣтить премилыя окрестности, право не хуже Швейцаріи и живописныхъ береговъ Рейна, о которыхъ писано тысячу разъ путешественниками, но кто могъ передать вѣрныхъ, подробныхъ очерковъ о красотахъ и богатствѣ этой части Сибири, столь удаленной отъ пунктовъ, гдѣ движется цивилизація? Много ли естествоиспытателей посѣщали ее? Одинъ только «Палласъ», бывшій тамъ въ первые годы Екатерининa царствованія, сообщилъ о странѣ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія; другіе же писали не много. При взглядѣ на эти горы, нидѣ представляющія обломки строеній, развалившіеся гроты, на вершинахъ коихъ рука природы воздвигла какъ бы искуственные портики; на эти холмы, унизанные прекраснѣйшими цвѣтами, разносившими всюду свое благоуханіе, осѣненные величавыми кедрами и пихтами—великій натуралистъ былъ очарованъ и рѣшился провести ночь подъ сводомъ небеснымъ, возлѣ свѣтлаго ручья, катившаго воды свои съ томнымъ журчаніемъ. Восходъ солнца изобразилъ дивную картину — и восклицаніе Палласа, что лучше этой страны, онъ въ жизни своей не видывалъ, невольно вырвалось изъ устъ его (21). Это

(21) Рѣчь шла о Даурiи, теперешней Забайкальской области, прилегающей съ одной стороны къ Манджуріи, съ другой къ Монголіи.

и я скажу, бывши нѣсколько разъ въ сторонѣ забайкальской, гдѣ между прочимъ имѣлъ случай видѣть близь р. Онона развалины дворца Чингисханова, этого нѣкогда грознаго властителя пол-міра. И чѣмъ дальше углубляетесь вы въ мѣста необитаемыя, тѣмъ болѣе поражаютъ васъ эти обворожительные ландшафты. Чего вы тамъ не найдете? И чудные водопады (можетъ быть не хуже «Нарвскаго»), и живописныя долины посреди хребтовъ-исполиновъ, гордо возносящихъ убѣленныя снѣгомъ главы свои, и все это въ дикомъ, первобытномъ величіи, какъ бы сей-часъ вышедшее изъ рукъ Создателя. «Хамаръ-Дабанъ» есть высочайшая точка хребта Саянскаго ([22]), но грандіозный образъ этого колосса, не представляетъ ни развалинъ древнихъ жилищъ, ни признаковъ богатаго земледѣлія: тамъ царство порывистыхъ вѣтровъ и бурь грозныхъ. Въ особенности замѣчательны округи Минусинскій, (въ Енис. Губ.) Курганскій ([23]) (въ Тоб. Губ.) и по благорастворенности тамошняго климата, могутъ назваться Сибирскою Италіею. А богатства страны

---

(22) Вершина этой горы въ перпендикулярномъ положеніи отъ уровня Байкала до 10 т. фут., т. е. гораздо выше «Сенъ-Бернарда».

(23) Въ Курганѣ находился извѣстный драмматическій писатель Коцебу.

по всѣмъ царствамъ природы, доселѣ не исчерпанныя? Что значатъ древніе Перуанскіе рудники въ сравненіи съ Сибирскими, доставляющими одного золота до двухъ тысячъ пудовъ ежегодно? Тамъ во всѣмъ изобиліе, приволье; нѣтъ только плодовъ — а безъ нихъ можно, кажется, обойтиться. Сколько встрѣтите вы благоухающихъ кустарниковъ, сколько разнородныхъ цвѣтовъ и ягодъ! Многія растенія имѣютъ истинно-цѣлебное свойство; между ними особенно замѣчательно Китайское, подъ названіемъ «Жень-Синь», Помъ д'амуръ Даурскій (корень котораго продавался когда-то на вѣсъ серебра), употребляющееся съ величайшею пользою противъ разныхъ застарѣлыхъ болѣзней. Есть также въ Дауріи красное дерево, черная береза, персиковое дерево, годныя для разныхъ подѣлокъ, желтое дерево, дающее превосходную краску; яблонь Сибирская съ ягодами побольше горошины, растущая и въ другихъ уѣздахъ. Лѣсъ въ Сибири не имѣетъ почти никакой цѣны и вы догадаетесь, что лѣсной стражи нѣтъ тамъ и въ поминѣ. Повѣрите ли еще, что находятся крестьяне, разумѣется, казенные ([24]), у которыхъ по двѣсти и по триста

(24) Въ Сибири нѣтъ помѣщиковъ, исключая одного въ Красноярскомъ уѣздѣ, владѣльца шестидесяти душъ. О прочихъ я не слыхалъ.

десятинъ пахотной и сѣнокосной земли, по нѣскольку сотъ коннаго и рогатаго скота; а у казаковъ, на Китайской границѣ, считается его тысячами.

— По такому богатству, вѣроятно, тамъ очень дешевы соболи?

— Они, напротивъ, довольно цѣнны — и напрасно думаютъ, что можно пріобрѣсти эти вещи въ Сибири за ничто. Дѣло другое, въ прежнюю пору, т. е. при постепенномъ завоеваніи края. Тогда находилось такое множество соболей, лисицъ и другаго звѣря, самыхъ высокихъ сортовъ, что туземцы щеголяли въ собольихъ тулупахъ, разумѣется, ни чѣмъ не крытыхъ, употребляя ихъ вмѣсто простыхъ, потому, что для дикарей было все равно, по незнанію истинной цѣны, носить ли шубу изъ соболей и черныхъ лисицъ, составляющихъ теперь предметъ утонченной роскоши и изъисканности въ обѣихъ полушаріяхъ, или даху ([25]) изъ оленей, лишь бы теплую. Мнѣ кажется, звѣроловы не столько обращали вниманіе на дорогія шкуры звѣрей, какъ на мясо, употребляя его, статься можетъ, на жаркое.

Младшая дочь арендатора лукаво улыбнулась и примѣтила, что никакъ не думаетъ, чтобы соболиное мясо было вкуснѣе обыкновеннаго.

---

(25) Шуба, въ верхъ шерстью.

— Кто знаетъ! бываютъ разные вкусы даже у людей образованныхъ: Римляне любили жаркое животныхъ, на которыхъ ѣздятъ въ Камчаткѣ, и оно составляло непремѣнное блюдо при торжествѣ вступленія въ должность новыхъ жрецовъ — какъ говоритъ преданіе; Китайцы лакомятся откормленнымъ щенкомъ подъ соусомъ изъ особеннаго рода масла; Малороссіяне страстные охотники до жиру. О не образованныхъ нечего и говорить: Самоѣды не дотронутся до рыбы, если не замѣтятъ въ ней дѣйствіе гніенія; захочете угостить Эскимоса, такъ попотчуйте его кускомъ согнившаго кита; Лампландцы роскошничаютъ за блюдомъ мха; дикія племена по берегамъ Ореноко употребляютъ въ пищу шарики изъ жирной, горшечной глины; Австралійцы не нахвалятся хорошо свареною лисицею; Якуты ѣдятъ зимою сырую стерлядь, подъ именемъ строганины, нарѣзывая ее тоненькими ломтиками и посыпая солью и перцемъ; Персіяне любятъ слоновой хоботъ и испытавъ высшую степень гастрономическаго блаженства, не рѣдко отправляются на тотъ свѣтъ— отъ несваренія въ желудкѣ.

— Вѣдь Сибирь завоевана лѣтъ за триста?— вопросилъ меня хозяинъ.

— Въ XVI столѣтіи, при Іоаннѣ III. «Ермакъ» былъ завоевателемъ Западной Сибири, а въ послѣдствіи и Восточная поступила въ наши вла-

дѣнія. Какъ въ самой вещи, не благодарить Ермака за его подвигъ, въ передачѣ богатой Сибири, имъ завоеванной, Царю Московскому! Потомство оцѣнило его — и теперь на высотахъ Тобольска, нѣкогда столицы «Кучумовой», красуется памятникъ великаго человѣка. Якутская область до нынѣ можетъ назваться соболинымъ краемъ и это сей-часъ оправдается. Казаки — завоеватели, въ знакъ вѣрноподданническаго усердія, отправляютъ изъ Якутска дань изъ мягкой рухляди къ Царю Алексѣю Михаиловичу, столь драгоцѣнную по количеству и своему достоинству, что она изумляетъ весь дворъ. Можно судить послѣ этого о числительной силѣ звѣрей тогдашняго времени! Въ теперешнее же, стало замѣтно постепенное уменьшеніе звѣриныхъ промысловъ, съ распространеніемъ населенности края, истребленія лѣсовъ и отъ другихъ причинъ, не меньше важныхъ ([26]).

— Я догадываюсь, что и чай не можетъ быть очень дешевъ въ Сибири?

— Правда ваша. Скажу вамъ, что цѣна чаю въ Москвѣ и Иркутскѣ, почти одна и таже. Это покажется страннымъ для не посвященнаго въ таинства чайной торговли, и другой, пожалуй, спро-

(26) Это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія объ уловѣ звѣрей въ Якутской области.

сить: для чего бы жителямъ Иркутской Губерніи, сопредѣльной съ поднебесьемъ, принимать на себя проценты при доставленіи чая въ Москву за

	1825.	1826.	1827.	1828.	1829	1830.	Всего.
Соболей всѣхъ сортовъ. . . .	18т.	15т.	12т.	10т.	7т.	6т.	68 т.
Лисицъ красныхъ, чернобурыхъ и черныхъ . .	14т.	13т.	12т.	11т.	9т.	7т.	66 т.
Песцовъ простыхъ и голубыхъ. . .	19т.	15т.	12т.	11т.	10т.	9т.	76 т.
Горностаевъ. . .	25т.	19т.	18т.	18т.	18т.	18т.	116 т.
Бѣлки. . . .	455т.	425т.	400т.	360т.	339т.	332т	2311 т.
	531т	487т.	454т.	410т.	383т.	372т.	2,637т.
Кромъ того кабарговой струи, или мускусу	15т.	14т.	14т.	12т.	10т.	8т.	73 т.

По приблизительной оцѣнкѣ, можно опредѣлить уловъ 1825 г. въ 2 милліона р. сер. Сколько же было звѣря до эпохи завоеванія страны?

Въ 1829, промышлено Китайцамъ мягкой рухляди: соболей 7 т., десять лѣтъ спустя—меньше тысячи; бѣлки въ 1829 г. 4½ мил., въ 1839—3½ мил., горностаевъ 125 т. и 92 т. Уменьшеніе послѣднихъ звѣрковъ, является не столь рѣзкимъ: это надо приписать необыкновенной ихъ плодивости (бѣлка самъ-сорокъ въ теченіи года) и если бы не трогать ее только три или четыре года, то числительная сила была бы изумительна. По всей же Сибири добывается бѣлки до 20 милліоновъ шкуръ ежегодно и значительная изъ этого часть придетъ на Забайкалье.

шесть тысячъ верстъ? Видите, въ чемъ дѣло: чай покупается посредствомъ мѣны оптомъ, въ большихъ массахъ, по предварительной разцѣнкѣ нашихъ произведеній со стороны компаніоновъ, и отъ того эти вещи въ Россіи не дороже противъ Сибири. На прим. бобра вы купите въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Иркутскѣ.

— Я все интересуюсь о ѣздѣ на собакахъ, дополнила старшая дѣвушка. Дайте намъ, Бога ради, объ этомъ настоящее понятіе и напередъ скажите, за чѣмъ не употребляютъ лошадей?

— Потому, что это вещь чисто не возможная: собаки не замѣнимы ни кѣмъ, по свойству и характеру страны. Вы догадываетесь, что рѣчь идетъ о неизмѣримости мѣстъ и ненаселенности края. Отъ Риги до Митавы нѣтъ и сорока верстъ, а на Сѣверѣ Сибири иныя станціи по двѣсти и триста верстъ. Въ пустыняхъ лежитъ снѣгъ, глубиною въ сажень; какъ же вы поѣдете на лошадяхъ? Вѣдь онѣ станутъ проваливаться? А собаки, хотя бы и самыя дюжія, запряженныя въ легонькія сани, подъ названіемъ «нартъ», бѣгутъ себѣ, не встрѣчая на пути препятствій.

— Но какъ не естественно сдѣлать двѣсти и болѣе верстъ въ теченіи зимняго дня, то гдѣ же проѣзжіе останавливаются?

— Къ ночи дѣлается привалъ въ пустынѣ, покрытой необозримымъ бѣлымъ саваномъ, гдѣ слу-

чится кому; по прибытіи разгребаются груды снѣгу до самой земли, потомъ разкладывается огонь изъ привозимаго съ собою хвороста, для приготовленія походнаго ужина и предохраненія отъ стужи—и ночь проводятъ путники подъ открытымъ небомъ; съ разсвѣтомъ же отправляются далѣе; не думайте, чтобъ заблудились вѣрныя и послушныя собаки, эти неизмѣнныя друзья человѣка: они доставятъ васъ какъ бы инстиктивно туда, куда вамъ надобно. Лишнее замѣчать здѣсь, что проѣзжающіе вооружаютъ себя самою теплою одеждою, надѣвая сверхъ шубы «даху», на голову «чебàкъ», шапку съ ушами изъ лисьихъ лапъ, а на ноги «унты», родъ саноговъ изъ оленьихъ шкуръ, безъ подпаряду и подошвы.

— Чѣмъ же кормятъ дорогою этихъ полезныхъ животныхъ?

— Сушеною рыбою, которою запасаются вдоволь, на всякой случай, какъ и другими принадлежностями. О хлѣбѣ нечего и говорить: имъ кормить собакъ слишкомъ начестисто ([27]), а су-

---

(27) Въ Охотскѣ и Камчаткѣ хлѣбъ плохо родится: тамъ лѣто короткое; по этому онъ доставляется туда для продовольствія жителей изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и, разумѣется, стоитъ весьма дорого. Въ Камчаткѣ учреждена Земледѣльческая компанія, но результаты дѣйствій ея по разведенію хлѣбопашества, не совсѣмъ благопріятны.

ценая рыба, по большому ея обилію, не имѣетъ цѣны. Между тѣмъ она служитъ пищею и проѣзжающимъ, не забывающимъ запасаться ароматной травой, называемой чаемъ, также ромомъ, составляющими для путника истинную драгоцѣнность. Камчадалы очень пристрастны къ горячимъ напиткамъ до того, что подъ-часъ готовы отдать лучшаго соболя за бутылку сивухи, но правительство принимаетъ мѣры о не ввозѣ въ жилища ихъ этихъ вещей.

— По скольку употребляется собакъ въ одинѣ сани или, какъ вы ихъ называете, въ одинѣ нарты?

— Всегда не четное число: или пять или семь, смотря по числу пассажировъ и багажа; двѣ попарно, а послѣдняя изъ самыхъ смышленыхъ, служитъ какъ бы проводникомъ. Къ бѣгу понуждаютъ собакъ крикомъ, но въ случаѣ усталости, они останавливаются, ложатся на снѣгъ и отдыхаютъ, высунувъ языкъ. Тогда ихъ кормятъ.

— Не встрѣчается ли въ пути какой опасности?

— Въ старину иногда случалось, и то въ лѣтнее время, при обыкновенной верховой на лошадяхъ ѣздѣ ([28]), когда, бывало, по Охотскому

(28) По неустроенію телѣжной дороги, путешествія совершаются верхомъ. Лошади удивительно сноснвы и къ такой дорогѣ привычны. Надобно удивляться терпѣнію почта-

тракту останавливали путешественниковъ и почталіоновъ, отправляющихся въ сопровожденіи надежныхъ проводниковъ, недоброхотные жители дебрей и лѣсовъ непроходимыхъ — косолапые медвѣди, не для того, чтобъ сдѣлать ѣздокамъ какой либо вредъ, а для того, чтобъ воспользоваться частію изъ съѣстнова, въ чемъ и не отказываютъ голоднымъ животнымъ. Послѣ того они оставляютъ проѣзжихъ въ покоѣ, удаляются въ свои берлоги, не дотронувшись до почтовой корреспонденціи, при которой пересылаются и деньги. Это похвальная черта въ «Гоштыгинѣ» ([29]); одно только не хорошо въ немъ: онъ истребляетъ очень часто ловушки на соболей и бѣлокъ, и пускай бы пользовался однимъ мясомъ, а то пожираетъ звѣрковъ вмѣстѣ со шкурою.

Всѣ слушатели захохотали и опять превратились во вниманіе, а межъ тѣмъ, въ слѣдствіе разнесшейся въ околодкѣ молвы, что какой-то

ліоновъ и нарочныхъ изъ городовыхъ казаковъ, при быстрой ѣздѣ чрезъ высочайшіе хребты горъ и мѣста, едва проходимыя: пространство въ тысячу верстъ, дѣлается ими меньше, чѣмъ въ недѣлю. Лошади перемѣняются на станціяхъ чрезъ 25—35 верстъ. По Охотскому тракту ѣздятъ верхомъ и на оленяхъ.

(29) Это прозвище медвѣдя, съ незапамятныхъ временъ ему данное звѣропромышленниками.

путешественникъ повѣствуетъ о Сибири, входятъ къ намъ двое сосѣднихъ дворянъ и каждый изъ нихъ наперерывъ сталъ меня засыпать своими вопросами.

— Да какъ вы все это знаете? спросилъ меня одинъ изъ послѣднихъ.

— Не мудрено знать, когда я сынъ далекаго Иркутска, много путешествовалъ по Сибири, былъ въ Якутскѣ, Нерчинскѣ, въ Китайской Монголіи, посѣтилъ мѣста, мрачныя и пустынныя, чтобы войти, по порученію Начальства, въ положеніе таможнихъ жителей—и смотря на всѣ вещи любопытными глазами, велъ свои записки.

— Отъ чего не издадите вы ихъ въ свѣтъ?

— Это я думаю. Сочиненіе мое, обнявъ малоизвѣстную страну въ разныхъ отношеніхъ, будетъ носить названіе: «Очеркъ Сибири». Мнѣ случилось быть въ тридцати девяти Губерніяхъ. Другими словами—изъ всѣхъ Губерній и Областей нашей Имперіи, я не былъ только въ семнадцати (30).

— Это порядочное путешествіе, нечего сказать! Желалъ бы знать теперь, сколько миль или

---

(30) Архангельской, Виленской, Вологодской, Гродненской, Дербенской, Ковенской, Кутаисской, Камчатской, Олонецкой, Оренбургской, Подольской, Смоленской, Тифлисской, Таврической, Херсонской, Шемаханской и Бессарабской Области.

сколько верстъ, сдѣлали вы приблизительно въ теченіе своей жизни?

— Никакъ не менѣе ста тысячь верстъ, исключая путешествія водою.

— Да это не менѣе окружности земнаго шара?

— Помилуйте, больше, чѣмъ вдвое; вѣдь окружность нашей планеты, полагаютъ географы въ 40 тысячь верстъ.

— Сдѣлать сто тысячь верстъ по Европейскому материку, по этой сѣти желѣзныхъ дорогъ, еще не очень много, но совершить такое путешествіе по Сибири, гдѣ на каждомъ шагу надо сражаться то съ невыносимыми морозами, отчасти погубившими—украдкою молвить, великую армію Наполеона, то съ другими препятствіями, составляетъ уже подвигъ — въ глазахъ моихъ. Вы, конечно, путешествовали на счетъ Правительства?

— Не всегда: приблизительно десятая часть пути сдѣлана на собственной счетъ—и я рѣшился на это изъ одной любознательности, не смотря на слабыя свои средства.

— Повѣдайте объ этомъ за границею: вамъ или не повѣрятъ на-слово, или утвердятся въ мысли, что это дивное самопожертвованіе на пользу науки. Позвольте еще вопросить васъ: часто ли ходитъ почта въ Сибири и въ какой срокъ получаются письма, на примѣръ, изъ Петербурга въ Иркутскъ?

— Въ Россію два раза въ недѣлю; изъ Иркутска: въ Якутскъ дважды въ мѣсяцъ, въ Охотскъ разъ въ мѣсяцъ; а въ Камчатку два раза въ годъ; слѣдовательно отвѣтъ на ваше письмо, адресованное въ послѣднюю изъ Иркутска, раньше года получить не возможно, и жители Камчатки позже всѣхъ знакомятся съ произшествіями бурнаго свѣта. Почта, отправленная изъ Иркутска въ Петербургъ, достигаетъ столицы въ тридцать двои сутки, если не встрѣтится распутицы; а за пол-вѣка и далѣе, когда почтовая часть и пути сообщенія, не были доведены до теперешняго устройства, въ два мѣсяца. Нарочные же дѣлаютъ эти шесть тысячь верстъ въ восемнадцать сутокъ.

— Давно вы оставили вашу родину?

— Въ 1841 году.

— Фамилія ваша нѣмецкая; какъ же вы попали въ Иркутскъ?

— Очень просто: батюшка мой родился на берегахъ Рейна, въ Лейпцигскомъ Университетѣ кончилъ свое образованіе и выпущенъ Докторомъ Философіи. Въ вѣкъ Екатерины онъ прибылъ въ Москву, приглашенный для воспитанія дѣтей однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ первопрестольной столицы; чрезъ пять-шесть лѣтъ его опредѣляютъ, по желанію, въ Иркутскъ Дивизіоннымъ проповѣдникомъ Лютеранскаго прихода; тамъ пробылъ болѣе тридцати лѣтъ, потомъ переведенъ въ Во-

лынь, гдѣ и похоронилъ кости свои, не успѣвъ побывать въ родной Германіи. Всей службы его было пол-столѣтія.

— А гдѣ родилась ваша матушка?

— Въ десяти верстахъ отсюда.

— Вы шутите.

— Нисколько: Митава ея отечество.

— Подумаешь, какъ играетъ судьба человѣками, забрасывая сына прекрасной Германіи, изъ этого эльдорадо, въ глубь Сибири, чуть-чуть не на другое полушаріе! Шутка ли, провести въ этой странѣ, да и въ тогдашнее еще время, лучшіе годы жизни своей, вдали отъ родины, отъ образованнаго міра—и жить тамъ, гдѣ нѣтъ цѣнителей высокаго и изящнаго!

— Правда ваша: будущее извѣстно одному Богу. Впрочемъ, покойной батюшка мой, какъ ревностный служитель алтаря, всегда гордился и утѣшался мыслію, что могъ доставить возможное утѣшеніе заблудшимъ, но не совсѣмъ отпадшимъ сынамъ религіи, разумѣя людей, завлеченныхъ въ Сибирь силою закона—и ему не хотѣлось покидать до самаго гроба обязанности служителя церкви, не смотря на глубокую старость свою. Онъ ничего не оставилъ дѣтямъ въ наслѣдство, кромѣ высокихъ добродѣтелей.

— Какого уваженія достоинъ такой человѣкъ въ глазахъ истинныхъ цѣнителей!

За тѣмъ спросилъ меня любопытный хозяинъ, не имѣю ли я въ Митавѣ родственниковъ?

— Мнѣ хотѣлось было отыскать ихъ, но послѣдствіе не оправдало моего ожиданія. Слушайте, я вамъ разскажу. Дѣдъ мой по матери Шермахеръ, находился учителемъ Митавской Гимназіи и тамъ померъ—этому много лѣтъ. О родственникахъ я не слыхалъ отъ моей матушки, умершей въ Иркутскѣ, лѣтъ за тридцать, но все могъ предполагать, что отыщу кого нибудь хоть изъ самыхъ дальнихъ, чрезъ расспросы людей. Это было бы тѣмъ для меня интереснѣе, что лишенъ всякой возможности повидаться съ родными по отцѣ, живущими въ Германіи, отъ которыхъ имѣлъ однако же письма, адресованныя оттуда въ Иркутскъ.

— А въ какое время достигли они рукъ вашихъ?—прервала меня одна изъ дочерей арендателя.

— Черезъ три мѣсяца, кажется.

— «На вопросъ мой о фамиліи Шермахеръ, жители Митавскіе и самой Пасторъ, отвѣчали отрицательно. Впрочемъ одинъ изъ первыхъ объявилъ мнѣ, что есть у нихъ какой-то Беккеръ. — Да кто онъ такой? — Чиновникъ, служитъ тамъ-то.— А живетъ? — На такой-то улицѣ, въ собственномъ домѣ. — Я беру извощика, ѣду къ Беккеру и узнаю отъ него, что онъ родомъ изъ

Пруссіи и потому мнѣ никакъ не льзя было признать его за родственника. Оставалось посѣтить ниву Божію ([31]), за городомъ, въ надеждѣ найти памятникъ покойнаго моего дѣда или слѣды памятника, чтобы поклониться его праху въ бытность мою въ Курляндіи, по всей вѣроятности послѣднюю; но надгробнаго памятника не отыскано, а другіе были только-что обсажены свѣжими цвѣтами, всюду разносившими свое благоуханіе.

— Скажите-ка намъ теперь хотя о рѣкахъ, въ Сибири протекающихъ. Рыбы въ нихъ, мы воображаемъ, вдоволь и она тамъ ни по-чемъ?

— «Лена» и «Ангара» считаются — какъ извѣстно, величайшими рѣками въ мірѣ и послѣдняя имѣетъ замѣчательный характеръ, выступая изъ береговъ своихъ не при вскрытіи ото льда, а во время замерзанія. Эти рѣки и множество другихъ, больше или меньше значительныхъ, изобилуютъ самою вкусною рыбою, а озеро Байкалъ въ особенности. Осетра, вѣсомъ въ пудъ, вы купите на мѣстѣ промысла за цѣлковый, и примѣтьте, что рыболовы каждой почти день готовятъ для себя пирогъ изъ этой и разной другой рыбы. Хороша и нельма, ловимая въ Ленѣ.

---

(31) Нѣмецкое выраженіе: они называютъ кладбище *Gottesacker*.

— Хотѣлось бы намъ знать еще о народахъ, вашу страну населяющихъ, и вы, вѣрно, будете такъ добры, что удовлетворите наше любопытство?

— Очень радъ, хотя по правдѣ сказать, мнѣ пора бы спѣшить далѣе.—Эти народы, номенклатуру которыхъ вы знаете изъ Географіи, различны между собою по характеру, вѣрѣ и обычаямъ. Тунгусы и «Буряты» самое населенное племя—тысячь полтараста: это обломки Чингисхановой рати и происходятъ отъ Монголовъ. Они не Магометане, а язычники—поклонники «шаманства» и ученія «Шигемуніева.» Послѣдніе, какъ болѣе образованные, имѣютъ у себя молитвенные домы, называемыя кумирьнями или дацанами. «Кутухта» — это высшая духовная особа, пребывающая въ Тибетѣ; «Хамба-Лама Первосвященникъ, живущій за Байкаломъ и пользующійся безграничнымъ увѣженіемъ многочисленнаго Бурятскаго племени; «Ламы» суть простые жрецы. Всѣ они ведутъ безбрачную жизнь. При этомъ случаѣ кстати замѣтить, что нѣкоторые изъ Ламъ, не посвященныхъ въ таинства медицинской науки, удачно пользуютъ одержимыхъ разными не излѣчимыми болѣзнями: къ нимъ не рѣдко обращаются о пособіи и Русскіе изъ гражданъ города. Лекарства отъ щедротъ благодѣтельной природы, состоятъ главнѣйше изъ травъ и кореньевъ. Встрѣчаются, правда, между этими

эскулапами и порядочные шарлатаны, прикрывающіе свое невѣжество обманомъ, но такіе люди не много имѣютъ практики.

— Отъ чего же дозволено подавать медицинскія пособія людямъ, не имѣющимъ ни познаній, ни права?

— Отъ того, что средства ихъ, дознанныя на опытѣ, слишкомъ безвинны. Въ Нерчинскѣ находится гражданинъ, человѣкъ, достойный уважанія, посвятившій себя для пользы общества на изученіе Даурской флоры, столь богатой и разнообразной—какъ я говорилъ уже, и составя подробное описаніе всѣмъ растеніямъ, съ подраздѣленіемъ лекарственныхъ, употребляющихся отъ такой-то болѣзни, публиковалъ объ этомъ въ вѣдомостяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ изъявлялъ готовность доставлять чрезъ почту за ничтожную плату сѣмена этихъ растеній и коренья, если бы кто вздумалъ выписать ихъ изъ Нерчинска. Однажды обращается житель Дауріи съ вопросомъ къ ученымъ знаменитостямъ въ медицинскомъ отношеніи—обѣихъ нашихъ столицъ, отъ чего Гг. Доктора не обратятъ вниманія на травы и коренья стороны забайкальской, такъ удачно исцѣляющія застарѣлыя болѣзни, при употребленіи самыхъ простыхъ средствъ?

— Что же вышло изъ этого?

— Право, не знаю.—Я повѣдаю вамъ, пожа-

луй, кое-что и о другихъ Сибирякахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляется сильный, могучій характеръ, стремленіе на пользу добра и глубовая преданность къ вѣрѣ и Государю: одинъ изъ Иркутскихъ купцовъ-золотопромышленниковъ жертвуетъ на пользу края, въ теченіи не многихъ лѣтъ до двухъ милліоновъ рублей сер. (33); мирный, старый поселянинъ ѣдетъ нарочито изъ своей деревни, близь Иркутска, въ Петербургъ, чтобы стать лицомъ къ лицу, чтобы взглянуть на обожаемаго Государя, котораго видѣлъ дотолѣ въ однѣхъ изображеніяхъ; потомъ рѣшается на тоже самое бѣдный казакъ съ Китайской границы, находящійся въ отставкѣ: покидая на произволъ Бога жену и дѣтей своихъ, онъ отправ-

(33) Въ томъ числѣ полмилліона сер. на постройку въ Иркутскѣ каѳедральнаго Собора, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. Этотъ почтенный, престарѣлый патріотъ является лицомъ очень замѣчательнымъ: происходя изъ крестьянъ Тобольской губерніи и начавъ не завидное свое поприще со званія Волостнаго писаря и повѣреннаго питейныхъ сборовъ, онъ былъ уже въ десятыхъ годахъ откупщикомъ въ Иркутской губерніи, пользовался особеннымъ уваженіемъ по его природному уму, добротѣ души и образу жизни; потомъ служилъ Градскимъ Главою нѣсколько разъ, не много разстроился въ дѣлахъ своихъ отъ непостоянства счастія и хотѣлъ испытать его по золотымъ промысламъ. Оно ему улыбнулось и Е. А. К. получалъ баснословный доходъ чуть—по сту пудовъ золота ежегодно.

ляется изъ своей родины пѣшкомъ , за семь тысячь верстъ, чтобъ насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго Монарха и Его Царственнаго Семейства; примѣру казака слѣдуетъ столѣтній старецъ: онъ хочетъ удостоиться счастія лично благодарить Императора за освобожденіе изъ ссылки, которая продолжалась пятьдесятъ лѣтъ; наконецъ высказываетъ свое патріотическое усердіе честный, трудолюбивый земледѣлецъ, въ угощеніи на свой счетъ обѣдомъ въ Иркутскомъ публичномъ саду нѣсколькихъ тысячь человѣкъ войска, по случаю пожалованныхъ ему знамёнъ.

— Мы воображаемъ , какъ всѣ эти лица награждены ?

— Разумѣется, по-Царски ([33]).

---

(33) *Первый* получилъ за его подвигъ не въ примѣръ другимъ, чинъ Статскаго Совѣтника и Орденъ св. Владиміра 3-й степени; *второй* награжденъ серебряными, вызолоченными подсвѣчниками , чтобъ онѣ стояли предъ образомъ Спасителя ; *третьему* выдается значительное денежное награжденіе, кромѣ разныхъ подарковъ и Евангелія, для вклада въ приходскую церковь на родинѣ его; *четвертому* возвращается чинъ Капитана того полка, въ которомъ служилъ этотъ ветеранъ въ вѣкъ Екатерины II, и всѣ знаки отличія, сверхъ денежной награды и пенсіи. Ему не довелось побывать на родинѣ своей, Украйнѣ : онъ умеръ въ Петрополѣ вскорѣ послѣ Монаршихъ милостей, искупленныхъ полувѣковыми страданіями, безъ малѣйшей вины,

— Очень благодарны вамъ за эти интересные разсказы, но не мѣшало бы знать теперь, на какомъ языкѣ отправляются язычниками ихъ религіозные обряды?

— На Тибетскомъ. Нѣкоторые изъ духовныхъ знаютъ Тибетской языкъ и для этого выписываются изъ резиденціи «Кутухты» священныя книги, съ большими пожертвованіями. Вообще Буряты добры, гостепріимны и ведутъ мирную, патріархальную жизнь: жаль только, что не образованные, до-нынѣ тонутъ въ предразсудкахъ.

У нихъ существуетъ варварское обыкновеніе покидать юрту, т. е. жилище, въ такомъ случаѣ, если кто изъ ихъ собратій сдѣлается тяжко боленъ, потому, что Буряты боятся покойниковъ. Истину сію я утверждаю, какъ очевидецъ. Однажды — это было зимою 1834 г., возвращаюсь я изъ одной деревушки (Карáма), далеко въ сторону отъ тракта Якутскаго, въ Иркутскомъ округѣ; на пути останавливаюсь, чтобы хоть не много обогрѣться въ уединенной юртѣ, потому, что морозъ доходилъ до nec plus ultra и вижу тамъ Бурятку въ болѣзненномъ положеніи; скудная одежда едва защищала дочь природы отъ нестерпимой стужи, слабый огонекъ погасалъ въ

ибо ссылка въ Иркутскъ послѣдовала несправедливо. *Послѣдній* награжденъ золотою медалью на Владимірской лентѣ.

юртѣ; чрезмѣрная слабость старухи, лежавшей на смертномъ одрѣ, при послѣднемъ издыханіи, лишала ее силъ даже подняться съ мѣста, чтобы подложить хворосту — а въ жилищѣ смерти не было ни души. Я приказываю тотчасъ развести огня въ юртѣ, натаскать туда побольше сухаго хворосту и отдалъ несчастной женщинѣ, обреченной на вѣрную смерть, почти всё, что было у меня изъ дорожныхъ припасовъ.

— Ахъ! какія вы добрые! — молвила меньшая дочь мызника.

— Передамъ вамъ, въ заключеніе, о Тунгусахъ. Слыхали ли вы объ нихъ? Это единственный народъ въ Сибири, ведущій бродячую жизнь — въ полномъ значеніи этого слова. Они скитаются отдѣльно отъ своихъ семействъ въ обширныхъ, не измѣримыхъ пустыняхъ. Артели ихъ состоятъ изъ пяти и болѣе человѣкъ. Тунгусамъ извѣстно каждое «урочище» (34), каждой хребетъ, каждая рѣчка, точно такъ, какъ намъ городскія улицы и домы. Предъ своимъ походомъ, взваливъ себѣ на плечи «винтовку» (35), дикарь наказываетъ женѣ своей, чтобъ явилась на такое-то мѣсто,

(34) Извѣстный пунктъ, гдѣ дѣлается звѣроловами привалъ — и это всегда у хребта или у рѣчки.

(35) Длинное ружье, употребляемое при встрѣчѣ съ медвѣдями.

къ такому-то времени, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и семействомъ. Вотъ она отправляется, несетъ съ собой берестяную юрту и закинувъ на плеча «турсукъ» ([36]) съ грудным младенцемъ ([37]), преспокойно спѣшитъ туда, куда велѣно, и не думайте, чтобъ она заблудилась. Если Тунгусъ и семейство его, съѣдятъ убитаго звѣря, то первый идетъ далѣе, а семья отправляется по слѣдамъ его съ подвижнымъ домомъ. Впрочемъ Тунгусы, вмѣсто десерта, лакомятся сараною и другими кореньями, извлекаемыми изъ земли, также ягодами и кедровыми орѣхами, встрѣчаемыми во множествѣ. Много ли, подумаешь, нужно человѣку, чтобъ продлить свое существованіе! Помышляетъ ли сынъ общей матери природы о богатствѣ, этихъ призракахъ славы и чести, наконецъ о завтрашнемъ днѣ? Не знакомый съ роскошью и изобиліемъ, онъ съѣдаетъ послѣдній кусокъ хлѣба со всегдашнею веселостію, дѣлясь имъ дружелюбно съ каждымъ пришельцемъ. О важныхъ преступленіяхъ не слыш-

(36) Коробъ изъ бересты.

(37) Въ минуту рожденія этого несчастнаго созданія, разумѣется, гдѣ случится, мать погружаетъ его въ снѣгъ— если это зимою, чтобъ дитя заблаговременно привыкло ко всѣмъ перемѣнамъ атмосферы и не знало простуды. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, Тунгуска отправляется въ дальнѣйшій путь, какъ ни въ чемъ не бывало.

но между Тунгусами, да они и рѣдко отдаютъ себя на судъ установленныхъ властей въ винахъ малозначительныхъ, а предоставляютъ рѣшенію своихъ старшинъ, очищаютъ себя клятвою или единоборствомъ. Между тѣмъ трудно отыскать въ цѣлой вселенной созданій человѣческихъ, которыя бы обрекали себя добровольно на всѣ возможныя лишенія и бѣдствія. Ихъ жизнь—это непрестанная борьба то со звѣрями хищными, то со стихіями (38), посреди хладныхъ пустынь, и отъ трескучихъ морозовъ они себя защищаютъ одними лишь берестяными юртами. Скитаясь такимъ образомъ по лѣсамъ и пустынямъ, Тунгусы съ величайшею точностію собираются къ извѣстному времени, въ опредѣленный пунктъ, для взноса ясаку (39) и снабженія себя необходимыми для звѣроловства потребностями. А по правдѣ сказать, они могли бы и не явиться. Гдѣ прикажете ихъ отыскивать?

— Да, въ этомъ племени много оригинально-

(38) Числительная сила Тунгусскаго племени, постепенно уменьшается, но со всѣмъ тѣмъ нѣкоторые Тунгусы доживаютъ до ста лѣтъ. Но не утѣшительна такая долгая, страдальческая жизнь!

(39) Эта подать мягкою рухлядью, т. е. соболями, песцами, лисицами и бѣлкою, въ установленной Ясачною Коммисіею пропорціи. Для взысканія этого ясаку, отряжаются на урочища отъ земскихъ судовъ его члены.

сти и мы объ немъ никогда ничего еще не слыхали. Вы намъ много разсказали о Сибири; но мы все желали бы знать, хорошъ ли климатъ въ Сибири и каковъ городъ, гдѣ вы родились?

— Вдругъ два вопроса? Это очень мило! На *первый* отвѣчу: совершенно здоровый, какъ и въ другихъ Сѣверныхъ губерніяхъ: это доказывается статистическими данными: изъ 39-ти человѣкъ умираетъ только одинъ, какъ между тѣмъ въ Россіи среднимъ числомъ какъ 1 къ 29-ти. Самыя благопріятныя явленія въ губерніи Томской (1 къ 45). На *второй*, что Иркутскъ одинъ изъ лучшихъ городовъ Сибири и что жить тамъ очень, очень не скучно. Вы найдете въ этомъ городѣ прекрасныя зданія, между которыми стоитъ на первомъ планѣ занимаемое Генералъ-Губернаторомъ: его можно назвать дворцомъ по архитектурѣ и изяществу, и замѣчу, что оно не многожко покрасивѣе вашего Митавскаго замка, хотя далеко не такъ обширно, какъ первое; широкія, прямыя улицы обставлены тротуарами, содержатся въ чистотѣ, каменнаго строенія вообще не много, но деревянные домы построены со вкусомъ. Тамошніе негоціанты производятъ обширную торговлю на Кяхтѣ, гдѣ случалось мнѣ бывать не одинъ разъ, равно и за чертою Китайской границы. Да что много говорить о столицѣ Восточной Сибири: живутъ весь-

ма не дурно въ самомъ Нерчинскѣ и главномъ заводѣ этого названія (40), куда ссылаются преступники по первой категоріи. Эти мѣста заброшены такъ далеко отъ центра Имперіи, съ именами ихъ соединяется такое невыгодное понятіе, что живущимъ въ Россіи не хочется и упоминать объ нихъ. Не правду ли я говорю? --На заводахъ служатъ горные Инженеры, люди образованные; вы встрѣтите тамъ и умныхъ гражданъ, съ которыми не скучно провести время; тамъ присутствуетъ простота, радушіе, милая тишина, чуждыя мелкихъ интригъ, такъ обыкновенныхъ въ провинціи. Я зналъ въ главномъ Нерчинскомъ заводѣ Аптекаря, Саксонца, который рѣшился изъ одной любознательности посѣтить отдаленный край и по пробытіи трехъ-четырехъ лѣтъ, возвратиться въ Петербургъ, однакожъ онъ живетъ въ Сибири кажется, и до-нынѣ, пользуясь уваженіемъ, любовію, какъ человѣкъ образованный и добрый. Хорошо житье,—по словамъ моихъ знакомыхъ, и въ Барнаулѣ, центрѣ заводовъ хребта Алтайскаго.

— Вы, конечно, имѣли въ Иркутскѣ собственный домъ?

— Для этого не нужно большаго капиталу. Домы въ Сибири дешевы, особенно въ Тоболь-

(40) Нерчинскій заводъ отъ Петербурга 7350 верстъ.

скѣ: за триста-пятьсотъ цѣлковыхъ можно пріобрѣсти такой домикъ, за который въ Митавѣ вѣрно дали бы полторы тысячи. За эту послѣднюю цѣну продалъ я и свой домъ, приносящій доходу 100—25 р. сер.—а въ немъ было восемь комнатъ, со всѣми службами и премиленькимъ садомъ.

— Мы, право, не думали, чтобъ все это было такъ, какъ вы разсказываете.

— Послушайте, какая была дешевизна въ губерніи Енисейской по ея основаніи въ 1822 году: пудъ ржаной муки продавался 5—7 коп., овесъ 6 к., возъ сѣна 30 к., такая же цѣна за сажень однополѣнныхъ березовыхъ дровъ; мясо 25-30 к. сер. за пудъ. Добраго рабочаго коня можно было купить за 8 руб. сер. Годовая плата работнику 10 р. Но какая перемѣна послѣдовала чрезъ десять лѣтъ? Всё это удесятерилось—по милости золота: понадобилось множество рукъ и золотопромышленники давали работникамъ изъ крестьянъ и ссылочныхъ не слыханную дотолѣ плату (по пятидесяти р. сер. въ лѣто), чтобъ только каждому захватить ихъ побольше. Земледѣліе упало, появилась роскошь, и цѣнность, вышедъ изъ нормы, разлилась на другіе предметы. Теперь же стало всё гораздо дешевле сколько отъ благоразумныхъ распоряженій главнаго начальства Сибири, столько отъ увеличенія

взноса денегъ въ казну за право золотопромышленности.

— Вы передаете намъ то, что мы ни отъ кого не слышали,—позвольте васъ благодарить за ваши разсказы и спросить въ заключеніе, что завлекло васъ въ наши провинціи?

— Одно любопытство—ни больше, ни меньше. Мнѣ хотѣлось окинуть бѣглымъ взоромъ Русскую Германію, по невозможности быть въ настоящей; да, вы—кажется, замѣтили непремѣнное желаніе мое—найти въ Митавѣ родственниковъ.

Послѣ того простился я съ добрыми Нѣмцами, возвратился въ Митаву, потомъ въ Ригу и вотъ останавливаюсь въ гостинницѣ. Завтракать еще рано; въ раздумьи хожу я по комнатѣ, но отверстіе, сдѣланное въ двери, съ толстымъ стекломъ и подвижнымъ клапаномъ, въ родѣ заслонки, развлекло меня. Что бы это значило? разсуждалъ я самъ съ собою, и почему нѣтъ подобныхъ вещей въ другихъ гостинницахъ при-Балтійскихъ губерній? Чрезъ нѣсколько минутъ зазвенѣлъ на лѣстницѣ колокольчикъ, ко мнѣ входитъ коридорной и вопрошаетъ: что мнѣ надобно?

— Пока ничего; я не звонилъ.

Съ глупѣйшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня человѣкъ, потомъ на дверь, подошелъ къ ней и задвинулъ жестяную заслонку пресловутаго отверстія, оставленнаго мною не закрытымъ.

Между тѣмъ наступила пора обѣдать, а путешественники—какъ всякому извѣстно, имѣютъ добрый аппетитъ, что въ особенности испыталъ на себѣ на морѣ. Я позвонилъ. Проходитъ минутъ пять, гораздо болѣе; никто не является. Это меня удивляетъ. Я звоню опять и опять. Колокольчикъ издалъ свои дребежащіе звуки въ коридорѣ и на лѣстницѣ, слуга отворяетъ смѣжныя съ моимъ номеромъ комнаты—и вотъ очередь доходитъ до моей.

— Вы звонили? спрашиваетъ меня слуга, на лицѣ котораго высказывалось неудовольствіе.

— Конечно—и скажу тебѣ, нѣсколько разъ.

— Это все ничего: вы должны были отрыть окошечко въ вашей двери, а безъ этого какъ же намъ знать, кто именно изъ васъ звонитъ?—и съ этими словами флегматическій Нѣмецъ прехладнокровно закрываетъ заслонку, чтобы придать болѣе выразительности словамъ своимъ. Тогда-то смекнулъ я, что означаетъ отверстіе съ заслонкой.

За тѣмъ сталъ я бродить по городу и при первомъ, даже мгновенномъ обозрѣніи его, мнѣ представилась таже священная старина въ зданіяхъ и во всемъ прочемъ, какъ и въ Ревелѣ, почти современномъ Ригѣ, основанной въ 1200-мъ году Каноникомъ вольнаго города Бремена, «Альбертомъ». Въ слѣдъ за тѣмъ, купцы Бре-

менскіе, потомъ рыцари Тевтонскаго ордена, начали распространять между язычниками тогдашняго времени ученіе Христа Спасителя, не столько однакожъ увѣщаніями, сколько силою оружія — и послѣдніе назывались по этому «Рыцарями меча» или «Мечеиосцами». Такъ точно озарялись истиною вѣры Мехиканцы и другіе обитатели Новаго Свѣта посредствомъ Европейскихъ Миссіонеровъ. Въ XIII столѣтіи Рига стала принадлежать Союзу Ганзейскому, по вліянію же духовенства, признавалась надъ городомъ власть Католическихъ епископовъ; столѣтіе спустя, онъ подчинилъ себя ордену Мечеиосцевъ. Въ 1561 поступаетъ вся Ливонія въ подданство Польской короны, исключая однакожъ Риги, оставшейся пока не зависимою до 1581 года: тогда она должна была уступить праву сильнаго. Въ послѣдствіи, именно въ 1621 г. этотъ городъ, а съ нимъ и страна, подпала владычеству Густава-Адольфа, короля Шведскаго; въ XVI вѣкѣ стала собственностію царя Іоанна III Васильевича, который, по видамъ своей политики, отказавшись отъ правъ завоевателя, сдѣлалъ Ливонію Польскою областію. Герцогъ Голштинскій Магнусъ находился до того времени ея властителемъ, представляя изъ себя вассала Россіи. Начало XVIII вѣка рѣшило судьбу Ливоніи и всего при-Балтійскаго края, исключая Финляндіи и Курляндіи,

завоеванныхъ въ позднѣйшее время, какъ вы не замѣчено.

Собственно городъ, обведенный валомъ и рвами, не очень великъ, но съ тремя своими форштатами—Митавскимъ, Петербургскимъ, Московскимъ, занимаетъ большую площадь и по числу жителей (до 70 тысячъ), обширнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Съ наступленіемъ весны и открытія судоходства, число это быстро увеличивается. Широкая, величественная Двина, протекая близъ самаго города, придаетъ ему много жизни, когда, бывало, она съ гаванью покроется множествомъ кораблей и разныхъ другихъ судовъ. Чрезъ рѣку наведенъ хорошій, плавучій мостъ, соединяющій городъ съ Митавскимъ предмѣстіемъ, однимъ изъ обширнѣйшихъ; а отлично устроенное Петербургское предмѣстіе, служитъ для города большимъ украшеніемъ. Домовъ въ Ригѣ тысячи четыре — три части деревянныхъ, но въ крѣпости, стѣсненной валомъ и рвомъ, вокругъ нея обведенными — всѣ каменные. Новаго пришельца изумятъ узкія, кривыя улицы съ незавидною мостовою, еще менѣе порядочными тротуарами, обставленными домами въ пять и шесть этажей, съ превысокими коническими крышами изъ красной черепицы. Не совсѣмъ пріятно жить въ первыхъ двухъ этажахъ, куда не проникаютъ солнечные лучи и сторы со-

вершенно излишнія здѣсь вещи. Встрѣчаются, правда, довольно широкія улицы, однакожъ онѣ не длинны и не прямолинейны: это общій характеръ древнихъ городовъ. Большихъ площадей нѣтъ въ городѣ, исключая той, гдѣ возвышается замокъ, построенный «Плеттенбергомъ» и занимаемый Генералъ-Губернаторомъ, разными другими лицами, а также присутственными мѣстами. Другая площадь въ Петербургскомъ форштатѣ, подъ именемъ «Марсова поля», обсажена аллеями; противъ нея прекрасной «Верманской» паркъ съ заведеніемъ искуственныхъ минеральныхъ водъ и отличными кафе-ресторанами. Нѣкоторыя изъ улицъ называются довольно странно, на прим. Sünden-Strasse, «улица грѣшниковъ», чрезъ которую въ давно прошедшія времена, проводили на казнь преступниковъ, а «Кузнечная» улица столь узка, что кажется темною отъ высоты зданій, примкнутыхъ одно къ другому, какъ на Невскомъ и другихъ проспектахъ. Драпировки въ окнахъ вы не увидите, а это довольно непріятно, потому, что изъ противоположныхъ оконъ можно видѣть, что тамъ дѣлается.

Въ окрестностяхъ Риги находится другой садъ, подъ названіемъ Государева, довольно обширный, съ вѣковыми деревьями между кустарниковъ, удаленный отъ центра города версты на три. Каждый человѣкъ, въ которомъ есть рус-

ское сердце, долженъ, по прибытіи въ Лифляндію, всенепремѣнно посѣтить этотъ садъ, чтобъ взглянуть на драгоцѣнность, священную для подданнаго—это древняя, развѣсистая липа, посаженная державными руками Петра I. На мѣдной, овальной доскѣ, къ дереву прибитой, начертана слѣдующая надпись: «Императоръ Петръ Вели-«кій, основатель славы и благоденствія Россіи, «посадилъ собственными руками сіе дерево. 1721.» На другой доскѣ такого же очертанія: «При «благополучномъ же царствованіи Императора «Александра, возстановителя царствъ и спокой-«ствія Европы, на память столѣтія, посвящена «сія надпись. 1821.» Тоже самое на Нѣмецкомъ—на двухъ противоположныхъ доскахъ. Доживетъ ли это дерево, не слишкомъ высокое, но объемистое и толстое въ нижней его части, до 1921 года?

Трехъ-этажное зданіе замка примыкаетъ къ набережной, гдѣ пристаютъ параходы, какъ я говорилъ уже, и можетъ назваться однимъ изъ обширнѣйшихъ въ городѣ, хотя архитектура его не бросится вамъ тотчасъ на глаза своимъ изяществомъ. На площади, противъ замка, воздвигнута гранитная колонна, въ память освобожденія Россіи отъ враговъ во время достославной отечественной войны, покрывшей неувѣдаемою сла-

вою Александра Благословеннаго и Его сподвижниковъ. На колоннѣ слѣдующая надпись: « Силы « двадцати царствъ и народовъ, съ мечемъ и ог- « немъ, ворвались въ Россію, поразивъ губителя, « расторгнувшаго узы природы. Александръ I « побѣдоносною десницею своею возвратилъ и ут- « вердилъ царямъ царства, народамъ свободу. » На противоположной сторонѣ колонны подобная же надпись на Нѣмецкомъ латинскими буквами. Поуглам пьедестала четыре орла, а на верху колонны слава съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвію.

Къ числу другихъ зданій надо отнести Биржу, домъ « Черноголовыхъ братьевъ » (Schwarzhenpterhaus), Магистратъ — какъ памятники глубокой древности. Послѣдній современенъ основанію Риги: по этому существуетъ болѣе шести вѣковъ. Необыкновенная старина бросается вамъ въ глаза: и мебели, и картины и самое расположеніе комнатъ, вообще не высокихъ, не изысканныхъ, гдѣ одна лишь простота гармонируетъ съ прочностію; наконецъ эта крѣпость кирпича и самаго цемента, вылитыхъ какъ бы изъ металла. Обширные дубовые столы и скамьи, краснымъ сукномъ покрытыя, замѣняютъ ломберные столы, диваны и кресла нынѣшнихъ салоновъ; все это прочно, массивно. Полы изъ толстыхъ плахъ, шириною въ аршинъ, окрѣпшихъ отъ времени

и взятыхъ изъ тогдашнихъ дѣвственныхъ лѣсовъ Ливоніи. Хрустальныя люстры, большіе мѣдные подсвѣчники, разныя другія вещи, на которыхъ видишь отпечатокъ вѣка, тоже отличаются простотою, ибо роскошь не была господствующею страстію прежнихъ временъ. Домъ Черноголовыхъ братьевъ, такого точно устройства, какъ въ Ревелѣ. Оба эти зданія вѣковѣчныя, пережившія многія эпохи и историческую извѣстность. Подумаешь, какъ строились въ старину дома, церкви—и какой на это употреблялся матеріалъ! Взгляните на Храмы Божіи въ Овручѣ, Острогѣ—на Волыни, въ Витебскѣ и Кіевѣ, воздвигнутые въ XI и XII столѣтіяхъ, и вы удивитесь, что такъ долго могъ сохранить-ся матеріалъ, изъ котораго они построены? Извѣстно, что прежніе кирпичи, не сходные съ нынѣшними по своему очертанію, вырабатывались не въ примѣръ лучше; крѣпчайшій цементъ связывалъ стѣны зданія, покрытыя одеждою изъ самой затѣйливой мозаики, доселѣ сохранившей яркія краски свои, что я замѣтилъ при взглядѣ на развалины чертоговъ, гдѣ жили ханы золотой орды, въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской Губерніи.

Въ форштатахъ, относительно ихъ устройства, совсѣмъ не то, что въ городѣ: тамъ улицы прямыя, широкія, длинныя, обставленныя красивы-

ми, даже великолѣпными зданіями, большею частію деревянными, по милому фасаду построенными, въ родѣ загородныхъ дачъ; вездѣ сады, цвѣтники, рощи, вездѣ просторъ необыкновенный. Въ чертѣ форштатовъ вы можете встрѣтить огороды, сѣнокосные луга и прелестныя поляны, наконецъ, тамъ же возвышаются вѣтряныя мельницы, устроенныя не такъ, какъ вы думаете, а на верху каменныхъ, трехъ-этажныхъ домовъ. Выдумка не дурная! Съ наступленіемъ весны всякой порядочный человѣкъ переселяется изъ города на житье въ форштаты, Гагенбергъ и другія дачи за Двиною, въ трехъ четырехъ верстахъ отъ форштата Митавскаго—подышать чистымъ воздухомъ. Тамъ царствуетъ вѣчная тѣнь и живительная прохлада отъ маститыхъ деревьевъ, между которыми высокія огромныя, развѣсистыя сосны. Въ иномъ мѣстѣ не знаешь, гдѣ укрыться отъ нестерпимаго зноя, а Лифляндцы объ этомъ не думаютъ. Смотря на этотъ сосновый боръ, воображеніе переносило меня къ предмѣстію Кіева, этой колыбели христіанства, когда подъѣзжаешь къ нему по Переяславской дорогѣ, отъ Броваровъ—и въ забайкальскую сторону, къ Туркинскимъ минеральнымъ водамъ. Домы въ Гагенбергѣ низменные и самыя усадьбы очень обширны. Въ торжественные дни бываетъ тамъ и на дачѣ Брандта, негоціанта Архангельскаго,

великолѣпныя иллюминаціи. Народу собирается множество; время проводятъ чудесно.

Всѣхъ церквей въ Ригѣ девятьнадцать, (по одной на 3600 чел.), въ этомъ числѣ девять лютеранскихъ, двѣ католическихъ и восемь православныхъ — послѣднія въ форштатахъ, почти всѣ деревянныя. Сооруженіе первыхъ относится къ различнымъ эпохамъ, болѣе или менѣе исторически-замѣчательнымъ, а церкви православныя построены въ позднѣйшее время, по прекрасному фасаду. Древніе храмы Св. Петра и Св. Іакова (Peterskirche und Jacobskirche) поражаютъ зрителя своими колоссальными размѣрами и высокими готическими окнами, имѣющими противъ обыкновенныхъ совершенное другое устройство, нигдѣ мною доселѣ не виданное: обыкновенныя оконныя рамы замѣняются сдѣланными на подобіе ихъ брусками изъ кирпича и дикаго камня, скрѣпленными извнутри желѣзными полосами, соотвѣтственной ширины и толщины, а поперечники гораздо уже. Стекла въ этихъ окнахъ тусклыя, на видъ непріятныя, заплатившія дань времени. Соборная церковь (Domkirche), одна изъ древнѣйшихъ, построенная основателемъ Риги, Каноникомъ Альбертомъ въ 1207 году; тамъ погребенъ монахъ Мейнгардтъ, прибывшій въ Ливонію въ 1184 г. изъ запада и въ первые проповѣдавшій здѣсь христіанство. Еслибъ эти памят-

ники Богослуженія и лучшіе дома, находились на большихъ площадяхъ или на прямыхъ, широкихъ улицахъ, то представлялся бы чудный видъ.

Находясь въ Ревелѣ, я любовался его милыми, окрестностями и панорамою города, смотря на нихъ съ галлереи исполина Олая, какъ это видно изъ моихъ разсказовъ. Дѣйствительно, не можетъ быть лучшаго вида на окружающіе предметы, какъ съ высокаго пункта, потому, что взоры обнимаютъ всю дальность. Тоже самое хотѣлось мнѣ сдѣлать и въ Ригѣ. Сначала я всходилъ на Петровскую колокольню (41), въ сопровожденіи молоденькой нѣмочки, дочери церковнаго служителя и долго наслаждался величественнымъ зрѣлищемъ. Потомъ, на канунѣ оставленія Ливоніи, вздумалось мнѣ взобраться и на Соборную колокольню (42), чтобъ въ послѣдній

(41) До послѣдняго яруса, гдѣ висятъ колокола, 262 ступени, но они не такъ круты, какъ въ Олаѣ и самыя лѣстницы не слишкомъ для ходьбы удобны.

(42) Въ лѣтахъ юности своей, любилъ я посѣщать во время святой недѣли колокольни Иркутскія, чтобъ съ этой обсерваторіи смотрѣть на панораму города съ его окрестностями, а подъ-часъ позвонить въ большой колоколъ. Признаюсь откровенно—это была моя страсть. Дурныя лѣстницы, особенно въ церкви Прокопія Праведнаго, по набережной, не могли остановить меня отъ непреклоннаго желанія.

разъ окинуть глазами городъ и его окрестности. Однакожъ, при этомъ путешествіи случилось со мной сколько непредвидѣнное, столько забавное произшествіе, которое не могу забыть доселѣ. Я объявляю сторожу Собора о своемъ намѣреніи, обѣщаю ему за труды и прошу проводить меня на колокольню или послать со мной кого нибудь другаго. Былъ десятой часъ утра. Служитель отворяетъ дверь надъ хорами, запертую огромнымъ внутреннимъ замкомъ, ведущую на колокольню, преспокойно говоритъ мнѣ, что дорогу туда могу найти и безъ него. Возраженія мои, что безъ проводника идти не могу, не были уважены; сторожъ отзывался недосугами, и я уже въ послѣдствіи догадался, что во сто разъ вѣрнѣе бы отдать ему впередъ обѣщанный полтинникъ, чѣмъ полагаться на слова его, ибо этотъ человѣкъ, вѣрно, подумалъ, что обѣщаніе не исполнится. Вотъ я отправляюсь на высоту, цѣль достигнута и по минованіи добраго часа, думаю воротиться. Пол-поприще сдѣлано, но вдругъ остановка: предо мною два хода, но въ который изъ нихъ идти, была задача не разрѣшимая. Я свернулъ на лѣво и очутился у огромной желѣз-

---

Замѣчу мимоходомъ, что въ теченіи Пасхи посѣщаютъ колокольни и женщины, разодѣтыя въ пухъ, что называется —средней руки.

ной двери, у самаго подножія Храма, запертой снаружи и выходившей на улицу, потому, что разговоры проходившаго по ней народа, явственно достигали моего слуха. Ошибку надлежало поправить, т. е. найти другой ходъ; я нахожу его, достигаю двери, въ которую впустилъ меня сторожъ, но, къ неописанному моему удивленію, нашелъ ее закертою на-крѣпко извнутри. Вотъ смѣшное, досадное положеніе! Оставалось войти на хоры, чтобы оттуда позвать служителя, однакожъ въ церкви не было ни души. Чрезъ какіе нибудь полчаса онъ входитъ туда, я зову его, приказываю отворить дверь, но этотъ человѣкъ близко къ хорамъ не подходилъ, да и хоры эти возвышались отъ церковнаго помосту на пять или на шесть саженъ, а по этой причинѣ ему не льзя было меня слышать, какъ я ни возвышалъ свой голосъ. За тѣмъ служитель вышелъ изъ церкви. Между тѣмъ проходитъ часъ, проходитъ другой — и еще часъ проходитъ, а желудокъ напоминаетъ мнѣ съ наглостію, что пора завтракать. Въ промежуткѣ сего времени, хотя входили неоднократно въ Соборъ служители съ прочимъ народомъ, но близко къ хорамъ, гдѣ обрѣтался я, тоже не подступали, потомъ одинъ за другимъ изчезли. Настала мертвая тишина, посреди которой отворяется дверь храма съ ужаснымъ скрыпомъ; смотрю, вносятъ покойника.

Въ числѣ прочаго народа находился тутъ и виновникъ моего заключенія. Къ счастію, ему случилось проходить не далеко отъ хоръ, куда я попалъ такимъ чуднымъ образомъ. Отчаянный крикъ мой, заставилъ его остановиться: онъ отпираетъ дверь и извлекаетъ меня изъ этой особеннаго рода засады. Разумѣется, я побранилъ его порядкомъ, но отвѣтъ сторожа былъ самой простой, короткой: «я думалъ, что вы, Mein Herr, давнымъ давно возвратились; вѣдь теперь уже не рано, а дверь на колокольню намъ велѣно всегда запирать».

Начиная съ Иванова дня, бываетъ кругомъ Собора небольшая ярмарка въ теченіи одной недѣли и помѣщается не въ завидныхъ балаганахъ. Незначительный доходъ съ этого торгу поступаетъ въ пользу церкви—какъ это дѣлается въ Харьковѣ и другихъ городахъ.

—

Хочу теперь описать народный праздникъ на канунѣ Иванова дня въ 23-е іюня. Мостъ, чрезъ широкую Двину перекинутый и на плошкоутахъ устроенный, покрытъ народомъ и экипажами до того, что нѣкоторыя части этого моста заливаются водою отъ тяжести; по обѣимъ сторонамъ его красуются корабли съ разноцвѣтными флагами —и купеческія суда; въ разныхъ мѣстахъ ор-

кестръ полковой музыки — и гулянье, особенно предъ наступленіемъ вечера, въ самомъ разгарѣ. Разнощики и разнощицы продаютъ въ это время вѣнки и корзины, искусными руками сплетенныя изъ цвѣтовъ и корней древесныхъ; вы дадите бездѣлицу и пріобрѣтете хорошенькую вещицу. Окружные бастіоны, одѣтые дерномъ, тоже кишатъ народомъ всѣхъ званій, состояній, а прилегающій къ нимъ великолѣпный паркъ, вмѣщаетъ въ себѣ лучшую публику. Подъ бастіонами устроены жилья; дымъ изъ трубъ оттуда выходящій, невольно удивляетъ новаго пришельца. Однимъ словомъ — канунъ Иванова дня праздникъ, выражающій всю народность, подобно гуляньямъ въ окрестностяхъ Первопрестольной нашей Столицы. Къ вечеру всѣ корабли иллюминуются въ симметрическомъ порядкѣ, вы встрѣтите многихъ, очень многихъ изъ класса простолюдиновъ, что называется — на-веселѣ. Наблюдатель сей часъ скажетъ: Нѣмцамъ Остзейскихъ Губерній изъ этого класса, не льзя похвалиться воздержностію. Женской полъ долженъ однакожъ составлять исключеніе; по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ этого. Да и какое, въ самой вещи, тамъ искушеніе на каждомъ шагу: входишь въ мелочную или овощную лавочку для покупки необходимыхъ вещей — а на полкахъ разставлены въ изумительномъ порядкѣ и водка и пиво. Спрашивается, кто не

потребуетъ при сей вѣрной окказіи, если не бутылки того или другаго, вообще добротныхъ и дешевыхъ ([43]), то хотя добрый стаканъ — и дастъ бездѣлицу. Вы входите въ погребокъ и находите тамъ во всякое время превосходный бифштексъ: стоитъ только перешагнуть въ сосѣдственную комнату. Охотникъ до бильярда, тоже можетъ составить здѣсь съ кѣмъ нибудь партію.

Торговля въ Ливоніи началась съ XII столѣтія, слѣд. до эпохи основанія Риги. Однажды прибило случайно къ устью Двины Бременскій корабль: съ той поры стала возникать собственная торговля въ Россіи въ лицѣ Новгорода съ Европою, которой представители въ торговомъ отношеніи, были тогда Ганзеатическіе города. Въ то время еще не наступила эпоха развитія самобытности нашего отечества. Въ XV столѣтіи, Новгородъ Великій, двигавшій всею нашею заграничною торговлею, палъ предъ желѣзною волею Іоанна III, а вмѣстѣ съ вольнымъ городомъ, упала и торговля наша. Въ слѣдую-

(43) Въ Остзейскихъ Губерніяхъ откупа нѣтъ, какъ между тѣмъ онъ обнялъ теперь Малороссію, Западныя и другія Губерніи. Ведро лучшаго хлѣбнаго вина продается въ Ригѣ и другихъ мѣстахъ по 1 руб. 20 коп., а пиво половина этой цѣны.

щемъ за тѣмъ столѣтіи пріѣзжали въ Москву Венеціанскіе купцы, съ предложеніемъ отъ имени своей республики о возстановленіи между Россіею древняго торговаго пути посредствомъ Днѣпра, однакожъ безъ благопріятныхъ для себя послѣдствій. Торговля была въ прежнемъ застоѣ, и вѣку XVIII, генію Петра и Его Державныхъ преемниковъ, предоставлено было оживить ее. Мудрый Преобразователь Россіи, первый постигъ, какія огромныя, матеріальныя выгоды можетъ доставить Имперіи Балтійское море — и для этой цѣли оставалось перевести на него торговлю Бѣломорскую. Полтавская битва, въ тожествѣ которой заключалось торжество всѣхъ трудовъ, всѣхъ подвиговъ, словомъ — всей реформы Петра Великаго, рѣшила мысль Его окончательно — и теперь проводники иностранной и отечественной промышленности — шестьдесятъ портовъ, въ числѣ которыхъ стоятъ на первомъ планѣ Петербургъ, Рига, Перновъ, Либава и Ревель, обнимаютъ берега Балтики. И это все плоды Полтавской битвы, не простаго сраженія, замѣчательнаго по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и по количеству пролитой крови; нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго Государства. — Быстрое развитіе торговли Балтійскаго моря и осуществленіе великой мысли геніальнаго Государя, до-

казывается слѣдующими цыфрами: за пятьдесятъ до сего лѣтъ, привезено было товаровъ въ главные порты на 32 мил., въ 1825 на 39 м., въ 1847, на 48 м. руб. сер.; вывезено въ первый годъ на 15 м. во второй на 30, въ 1847 на 53 м. руб. сер. Ежегодный доходъ, получаемый Рижскимъ Портомъ и городомъ, восходитъ до 350 т. р. сер., а торговые обороты простираются на 20 мил. р. сер. Съ наступленіемъ же весны приходитъ изъ разныхъ заграничныхъ портовъ и низовыхъ нашихъ пристаней множество кораблей и огромныхъ барокъ, подъ именемъ струговъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, для отправленія его за границу. Въ мою бытность въ Ригѣ, большая часть первыхъ отбыла туда, но все осталось довольно. Почетныхъ Гражданъ считается въ Ригѣ 34, купцовъ 1-й гильдіи 61, 2-й гильдіи 151; Богоугодныхъ заведеній, начало которыхъ въ Россіи, относятъ ко временамъ Владиміра святаго, только шесть, какъ между тѣмъ въ Ревелѣ ихъ десять, при меньшемъ въ три раза населеніи. Въ окрестностяхъ Риги много суконныхъ фабрикъ, извѣстныхъ по своему механизму, обширности, а находящаяся близъ Пернова, на мызѣ «Циттенгофъ», пользуется Европейскою извѣстностію; за нею слѣдуетъ фабрика Вѣрмана, имѣющаго у себя болѣе трехъ тысячь работниковъ. Сукна этой фабрики славятся своею

крѣпостію, отдѣлкою и по не дорогимъ цѣнамъ, доступны всякому.

Но не смотря на эту промышленность, на это всеобщее оживленіе, жизнь въ Ригѣ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ прибалтійскаго края, очень не дешева. Гельзингфорсъ (съ Выборгомъ и нѣкоторыми другими городами), можетъ служить исключеніемъ, и я, право, не слыхалъ о другомъ городѣ изъ числа замѣчательныхъ, гдѣ бы можно было жить съ такимъ комфортомъ, и такъ дешево и весело. Правда, нѣсколько затруднитъ васъ съ перваго разу не знаніе Шведскаго языка, потому, что Финны-простолюдины плохо объясняются по-Русски и по-Нѣмецки, но это все еще не бѣда. Одно только дешево въ Остзейскихъ губерніяхъ и доступно каждому человѣку — это пиво, хлѣбное вино и анисовка (doppel-kümmel). Между тѣмъ не лишнее сказать украдкою, что потомки Тевтоновъ этихъ губерній, при всей ихъ честности и женѣрозности, уже чрезъ чуръ разсчетливы — и это отражается въ чертахъ рѣзкихъ. Другими словами: истиннаго, радушнаго гостепріимства, или такъ называемаго хлѣбосольства, тамъ нѣтъ. Оно высказывается только въ Сибири, странѣ не тронутой — и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Не думайте, чтобы васъ пригласили, послѣ перваго знакомства, на обѣдъ или на чай — я говорю о Русской Германіи — и аккуратный

Нѣмецъ не предложитъ даже вамъ сигары, а самъ будетъ преспокойно курить ее. Это изъ рукъ вонъ! Не правда ли? Да что тутъ много разглагольствовать — стоитъ только вспомнить анекдотъ о «Раммѣ» (мною разсказанный), не хотѣвшаго принять къ себѣ Великаго человѣка, имя котораго надо произносить съ благоговѣніемъ. Правда, это случилось давно и что не одна разчетливость была тому причиною, но освященныя стариною права, на которыя каждый изъ Нѣмецкихъ дворянъ опирался, но всё такч Раммъ не хорошо сдѣланъ. Случись это въ Саратовскихъ колоніяхъ, у тѣхъ же Нѣмцовъ, они не придумали бы средствъ къ достойному принятію Державнаго Посѣтителя. Этому сей-часъ краснорѣчивое доказательство: въ 1837 г. проѣзжаетъ чрезъ Саратовскую губернію Государь Наслѣдникъ и изволитъ останавливаться въ колоніи «Унтеръ-вальденъ», по дорогѣ къ Вольску, у колониста «Мейнгардта», имѣвшаго хорошенькій домикъ съ садомъ. Хозяинъ, полный благоговѣнія и восторга о такомъ счастливомъ въ его жизни событіи, дѣлаетъ на балконѣ своего дома надпись золотыми буквами, съ приличными украшеніями, что Его Высочество удостоилъ счастія у него ~~тогда-то~~ останавливаться. — Когда-то славилась этою добродѣтелію и благословенная Малороссія, т. е. во времена давно минувшихъ

дней, но въ теперешній просвѣщенный вѣкъ, она измѣнилась въ своей патріархальности, какъ и все измѣняется на землѣ. Васъ примутъ отлично хорошо въ извѣстномъ домѣ, закормятъ, пожалуй, самымъ гастрономическимъ обѣдомъ, но только въ такомъ случаѣ, если видятъ въ томъ свой разсчетъ; при малѣйшемъ же разочарованіи, если кто изъ новыхъ знакомыхъ, съ благороднымъ образомъ мыслей, съ душою чистою, окажется не тѣмъ, чѣмъ казался сначала, сирѣчь — онъ не богатъ и на бѣду еще, въ разладѣ со свѣтскими приличіями, то перемѣна въ обращеніи слишкомъ замѣтна при вторичномъ этого человѣка посѣщеніи, а третьяго ужъ лучше и не дѣлайте. Такъ Малороссіяне себѣ на умѣ? — Конечно: чему же тутъ удивляться. А какъ этомъ народъ въ отношеніи дружества? Въ такой же степени. Истинной дружбы, неизмѣнной, бескорыстной и святой, ищите въ другомъ мѣстѣ. Въ наши дни человѣкъ, не наживній себѣ ничего и не разбогатѣвшій, имѣвши къ тому случай, есть человѣкъ не современный, отставшій отъ вѣка, а слѣдственно, безполезный для общества— въ глазахъ нѣкоторыхъ. И въ прежнія добродушныя времена, даже классическіе геніи оканчивали свое великое поприще либо въ богадѣльнѣ, либо въ домѣ ума лишенныхъ; короче—ученость умирала голодною смертію, а добродѣтель, самая

возвышенная, испытывала ту же участь. Вспомните пѣвцовъ Италіи и Португаліи. — Собирайте богатство — и васъ будутъ окружать почтеніемъ, любовью, удивленіемъ; о черныхъ же поступкахъ вашихъ никто и не заикнется; вы умрете — и слезами оросятъ ваше бездыханное тѣло, надъ могилою поставятъ великолѣпный памятникъ. Но человѣкъ бѣдный, хотя и съ благородствомъ до героизма, или правильнѣе — до педантизма, притомъ очень не глупой, во все продолженіе жалкаго своего существованія, становится предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Погрѣшни онъ разъ, одинъ только разъ — и его будутъ преслѣдовать съ неумолимою жестокостію. Коснувшись Малороссіи, надо высказать непріятную истину, что порча правовъ, особенно между низшимъ слоемъ общества, наиболѣе отражается въ пунктахъ ярмарочныхъ, куда стекается отвсюду многое множество народа всѣхъ состояній и исповѣданій, и эти люди, занося съ собой соръ и нечистоту, какъ бы прививаютъ ее къ кореннымъ обитателямъ — низшему сословію, безъ того не совсѣмъ чистымъ, говоря объ ихъ жаждѣ корысти, безъ разбора средствъ и не упоминая о обычной лѣни и неподвижности. Бѣда, если кто по простотѣ и неосторожности, войдетъ съ ними въ какія ни на есть сношенія. Это было и со мною грѣшнымъ. Хотите, я разскажу вамъ.

По прибытіи въ одинъ городокъ, остановился я въ его предмѣстіи, до пріисканія удобнѣйшаго помѣщенія въ первомъ, съ окончаніемъ ярмарки. Мы условливаемся съ хозяиномъ въ цѣнѣ; по минованіи шести сутокъ, я требую отъ него счетъ. Хохолъ объявляетъ мнѣ съ наглостію, что ему слѣдуетъ получить за «недѣлю», — «Не правда, любезный, я нанялъ твою квартиру въ понедѣльникъ, а сего дня только Воскресенье, слѣдовательно не семь, а шесть сутокъ.» — «Что вы говорите, Ваше Благородіе,» недѣля сегодня (44) — «Помилуй, братецъ, ты городишь вздоръ!» — «Нѣтъ, панъ, я говорю правду и думаю, что вы не станете обижать меня.» Не хотѣлось мнѣ спорить о бездѣлицѣ и возиться съ Малороссомъ, который воспользовался отъ меня лишнимъ цѣлковымъ по милости каламбура и хитрости, смѣшанной съ плутовствомъ, самымъ тонкимъ.

Не угодно ли выслушать и другой анекдотъ, изъ котораго можно видѣть, что и въ нынѣшнее время встрѣчаются въ Малороссіи порядочные оригиналы въ чиновническомъ, провинціальномъ быту. Для помѣщенія Уѣзднаго Суда нанимается домъ въ незначительномъ городкѣ въ N Губерніи, съ отопленіемъ, у одного изъ смиренныхъ его

(44) Тутъ выходитъ чудесный каламбуръ: «недѣля» на Малороссійскомъ языкѣ — значитъ «воскресенье».

гражданъ, съ такимъ условіемъ, чтобъ комната была оставлена для него самаго. Проходитъ полгода; все идетъ, какъ не льзя лучше: канцелярскіе, а подъ-часъ и сами Члены судилища, пользуясь толь близкимъ сосѣдствомъ домоваго хозяина, посѣщаютъ его въ присутственные часы, тотъ радушно угощаетъ ихъ, но замѣтивъ, что такое посѣщеніе, чаще и чаще повторяемое, слишкомъ начетисто для его кармана, безъ всякихъ околичностей отказываетъ посѣтителямъ. Это, разумѣется, ихъ огорчило и они поклялись чѣмъ нибудь насолить хозяину — невѣждѣ. Какъ! отказывать въ хлѣбѣ-соли людямъ, въ которыхъ всякой можетъ нуждаться? И гдѣ же это дѣлается! въ странѣ деневой, гдѣ ни по чемъ и горѣлка и принадлежности въ закускѣ! (Событіе случилось лѣтъ за десять). Да это изъ рукъ вонъ! Однакоже надо было имѣть и причину завести дѣло. Посреди этихъ думъ, они разсудили, что хозяинъ въ послѣднее время задѣлалъ отдушину въ печи, выходившей изъ его комнаты лицомъ въ занимаемую Присутствіемъ, безъ вѣдома «онаго», статься можетъ, для того, чтобъ всю теплоту перевести къ себѣ; другими словами: въ присутственной комнатѣ сдѣлалось довольно свѣжо (а на бѣду, — и обогрѣться не гдѣ); еще короче и яснѣе: хозяинъ какъ бы «похищалъ теплоту» и Члены Суда съ канцелярскими не разъ воспоми-

нали о превосходномъ травникѣ и соблазнительномъ гусѣ. Всё это прекрасно, да подъ какимъ же названіемъ появится дѣло на свѣтъ Божій? Наконецъ, они рѣшаются, послѣ продолжительнаго раздумья, дать ему самое замысловатое: «о похищеніи такимъ-то казенной теплоты, во «время квартированія такого-то Суда въ при«надлежащемъ ему домѣ». (Слѣд. можно похищать и партикулярную теплоту?!) Вотъ заводится переписка, дѣло начинаетъ полнѣть, и по подведеніи къ «оному» нужныхъ справокъ и законовъ, представляется отъ Суда въ высшую инстанцію; но Уголовная Палата видя, что судъ занимается пустяками, обращаетъ къ нему дѣло при своемъ замѣчаніи—чѣмъ оно и оканчивается (45).

Однакожъ Малороссія произвела многихъ Государственныхъ мужей, особенно въ вѣкъ Екатерины, пріобрѣтшихъ Европейскую извѣстность и по уму и по душевной добротѣ и по другимъ заслугамъ? Конечно такъ: это всѣмъ извѣстно, но зима не безъ морозу! И теперь много тамъ

---

(46) Дѣломъ своимъ о похищеніи теплоты, Уѣздный Судъ какъ бы хотѣлъ воскресить событія, совершавшіяся у насъ на Руси до реформы Петра Великаго, когда давалось движеніе и такимъ жалобамъ, если одинъ «смотрѣлъ на другаго звѣрообразно»—и тѣмъ будто бы наносилъ послѣднему безчестіе.

людей, истинно-образованныхъ и добрыхъ, съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ и сильною волею. Я имѣлъ случай познакомиться съ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ эти качества. Это одинъ изъ обломковъ Екатерининскаго вѣка. Наружность его замѣчательна; во всѣхъ дѣйствіяхъ проявляется что-то древнее Спартанское; правды и благородства бездна, душа Римская; всегда твердый и непоколебимый, какъ гранитная скала, онъ не знаетъ лицепріятія и высказываетъ истину, кому бы ни было, въ выраженіяхъ смѣлыхъ и рѣзкихъ. Сколь эти качества безцѣнны для представителя дворянства! N выполнялъ эту обязанность пять трехлѣтій сряду, по не отступной просьбѣ дворянъ, видѣвшихъ, что подобный человѣкъ почти не замѣнимъ; въ послѣдствіи же они снисходятъ на просьбу своего собрата, не ставившаго до этого ни во что ни маститыя лѣта свои, ни ограниченное состояніе—и убѣждаются, что современнику Елисаветы нужно спокойствіе послѣ того пожертвованія, которое сдѣлалъ обществу. Поступокъ другаго, жителя Украйны, тоже прекрасенъ. Одинъ человѣкъ былъ много лѣтъ гонимъ судьбою, испыталъ непріятности и всѣ возможныя лишенія, хотя былъ увѣренъ по правдѣ своей, что прежнія заслуги его не будутъ опрокинуты, и переносилъ положеніе свое съ дивнымъ терпѣніемъ. По обстоятельствамъ, ему слѣдовало

жить въ Петербургѣ, но гдѣ средства для этого? Надо было откладывать путешествіе и между тѣмъ питаться святою надеждою, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба — никогда не пропадаютъ. Житель Украйны хорошо познакомился съ человѣкомъ, о которомъ идетъ рѣчь, изучилъ и понялъ его, какъ не льзя лучше, но владѣя самъ слабыми средствами, не могъ, естественно, ни въ чемъ пособить ему. Напослѣдокъ удалось ему добыть порядочную сумму и вручая ее описываемому мною лицу, безъ документа, на одно честное слово, съ платежемъ въ теченіи года, совѣтовалъ ѣхать безъ замедленія въ столицу. Совѣтъ принятъ: въ Петербургѣ находитъ N «истиннаго благодѣтеля» (они рѣдки, какъ кометы), принявшаго живое, энергическое участіе въ положеніи гонимаго неудачами — и дѣлается для него какъ бы вторымъ Провидѣніемъ. Въ самой вещи, поступки обоихъ лицъ достойны удивленія: одинъ дастъ средства человѣку на проѣздъ за полторы тысячи верстъ, не будучи самъ состоятеленъ, другой благородно вызывается устроить судьбу своего знакомаго, и доставивъ ему вѣрное, надежнѣйшее обезпеченіе на всю жизнь — выполняетъ тѣмъ долгъ человѣка.

Нижеслѣдующій разсказъ, мнѣ переданный, долженъ быть равно интересенъ, по его оригинальности. Одинъ человѣкъ изъ военныхъ, одинокой,

трудами своими и многолѣтнею бережливостію, скапливаетъ себѣ довольно значительный капиталъ и надобно замѣтить, что деньги хранились не въ ломбардѣ или въ шкатулкѣ, но въ числѣ казенныхъ и такъ показывались по вѣдомостямъ. Во время Финляндской войны, полкъ Э. встрѣчаетъ большое затрудненіе въ продовольствіи отъ непомѣрной дороговизны хлѣба, фунтъ котораго продавался по цѣлковому—и полковникъ отдаетъ тотчасъ приказаніе покупать изъ его собственной казны по полтора фунта въ день на человѣка — ихъ было полторы тысячи—и приготовлять общій походный обѣдъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Скоро израсходовались всѣ десять тысячь сер., а между тѣмъ недостатокъ сталъ замѣняться голодомъ: тогда Э. продастъ все свое серебро, всѣхъ излишнихъ лошадей, всѣ завѣтныя свои вещи (нажитыя въ теченіи сорокалѣтней службы), съ которыми надо было разстаться развѣ съ жизнію — и покупаетъ на эти деньги хлѣбъ своимъ братьямъ! Вотъ еще замѣчательная черта полковника: всякой Божій день, послѣ обыкновенной утренней молитвы, онъ отвѣшивалъ земной поклонъ изображенію Генерала, бывшаго его начальника и благодѣтеля — по словамъ разскащика, отъ избытка своей чувствительности. Послѣдній же, какъ бы въ подражаніе Э., врѣзываетъ въ подножіе образа Спасителя единое дра-

гоцѣнное наслѣдіе — гербовую печать полковника, за неимѣніемъ его портрета, чтобы при ежедневной молитвѣ, воспоминать о его благодѣяніяхъ.

Въ заключеніе, когда уже пошло на разсказы, можетъ быть, и не кстати — по роду настоящаго сочиненія, не мѣшаетъ повѣдать о образцахъ добродѣтели самой высокой, дружбы и вѣрности изумительныхъ. Я думаю, что многіе припомнятъ англичанина, обратившаго въ концѣ прошедшаго столѣтія, вниманіе правительствъ и народовъ, на участь заключенныхъ въ темницахъ — и имя котораго блистаетъ до нынѣ яркими, не мерцающими лучами. Судьба надѣлила этого человѣка огромнымъ состояніемъ по смерти отца, богатѣйшаго негоціанта. Ему стоило только наслаждаться всѣми благами міра, но онъ избралъ себѣ другую стезю, стезю, предписанную уставомъ самого Спасителя въ святомъ Его Евангеліи — онъ хотѣлъ раздѣлить это состояніе между своими братьями о Христѣ, которымъ судьба отказала не только въ избыткѣ, но и въ кускѣ хлѣба. Предназначивъ себя такимъ образомъ на служеніе Богу и вовсе не думая о коммерческихъ занятіяхъ, этотъ общій другъ сталъ нарочито изучать Медицину въ полномъ ея развитіи, чтобъ быть вдвойнѣ полезнымъ человѣчеству; онъ посѣтилъ жилища мрака, гдѣ тысячи подобныхъ ему Божіихъ созданій, лишенныхъ золотой свободы, изнываютъ въ стра-

даніяхъ; онъ объѣхалъ съ этою благородною цѣлію Европейскія Государства, былъ въ Лиссабонѣ вскорѣ послѣ страшнаго землетрясенія и оказалъ значительную, матеріальную помощь пострадавшимъ отъ несчастія; взглянулъ на Востокъ, былъ въ Константинополѣ, Египтѣ во время самаго разгара чумы, этого ужаснаго бича, похищавшаго свои жертвы тысячами, чтобы открыть зародышъ моровой язвы въ самомъ источникѣ и изыскать способы къ отвращенію губительнаго зла для спасенія человѣковъ. По его предположенію открыты повсюду тюремные Комитеты и сняты оковы съ женщинъ—въ Англіи. Озаривъ на этомъ основаніи темницы свѣтомъ человѣколюбиваго состраданія, Г. не только уменьшилъ несчастіе своихъ современниковъ, но и въ будущемъ указалъ путь къ усовершенствованію многихъ вѣтвей уголовнаго законодательства, ибо, содѣйствуя своему правительству мнѣніемъ и дѣлами, скоро обезсмертилъ себя въ отечествѣ. Въ 1789 посѣщаетъ Г. нашу первопрестольную столицу. Екатерина II, наслышавшись о подвигахъ добра, повелѣла во всѣхъ больницахъ и тюрьмахъ Россіи, исполнять совѣты великаго человѣка, какъ приказанія. Повелѣніе, достойное безсмертной Монархини! Изъ Москвы онъ отправляется въ Херсонъ, гдѣ свирѣпствовала чума — и посреди заботъ и готовности, посреди самоотверженія, почти ба-

сословнаго, палъ жертвою ужасной заразы въ 1790 году, вдали отъ Альбіона, въ странѣ чуждой. «Истлѣніе есть жребій человѣка»—говорилъ умирающій — «есть законъ, которому и Царь и «рабъ, равно повинуются». Онъ завѣщалъ похоронить его тамъ, гдѣ любилъ прогуливаться. «Я «не желаю—продолжалъ добродѣтельный, ни па«мятниковъ, ни надписей, но хотѣлъ бы, чтобъ «на моей могилѣ поставлены были солнечные часы». Какая истинная, глубокая философія въ предсмертныхъ словахъ его!

Долго, очень долго, подвизался сострадательный Англичанинъ на поприщѣ добродѣтели: онъ истратилъ все свое состояніе, разпродалъ всѣ свои драгоцѣнности, все, дорогое и милое сердцу—и тѣмъ исполнилъ въ буквальномъ смыслѣ слова Божественнаго Искупителя. Больше этого, не могутъ, кажется, сдѣлать и сами праведники! Въ самомъ дѣлѣ, какая цѣпь тяжкихъ, но священныхъ и великихъ трудовъ, въ теченіи полувѣка совершенныхъ! Каждый подвигъ, каждый день жизни Г., есть уже предметъ признательности и удивленія! Онъ хотѣлъ разлить свои благодѣянія не на одну Англію, но на Европу, на весь міръ — и испросилъ себѣ, какъ милость — заключить его на мѣсяцъ въ темницу, чтобы самому испытать на дѣлѣ всю густоту нравственнаго и физическаго мрака, въ которомъ живутъ преступники.

— Тихіе, но утѣшительные для сердца звуки твоей славы, не умолкнутъ, пока будетъ существовать міръ, да и назвать тебя, значитъ назвать самую добродѣтель! Ты долженъ стоять выше Аннибаловъ, Александровъ Македонскихъ и другихъ лицъ героическаго міра, которыхъ Исторія почтила безсмертіемъ: первые проливали кровь братьевъ своихъ, утучняя ею и поля и стогны; послѣдній спасалъ этихъ самыхъ братьевъ и былъ ихъ ангеломъ-утѣшителемъ!

Для увѣковѣченія всѣхъ этихъ христіанскихъ подвиговъ, воздвигнутъ Г. признательными его соотечественниками великолѣпный памятникъ въ церкви Св. Павла, тамъ, гдѣ покоятся знаменитые мужи Англіи; надъ могилою его близь Херсона, тоже сооруженъ памятникъ, отличающійся скромностію, согласно завѣщанію покойнаго, а въ самомъ городѣ, противъ тюремнаго замка, обелискъ. При посѣщеніи Херсона Александромъ Благословеннымъ въ 1818 году, повелѣно передѣлать, увеличить и украсить этотъ обелискъ, для чего вылито въ нашей Академіи Художествъ изображеніе Г.; на другой же сторонѣ обелиска изсѣчены въ вертикальномъ положеніи солнечные часы, заказанные въ Италіи. Послѣдній памятникъ, не смотря на простоту свою, краснорѣчивѣе перваго, поражающаго великолѣпіемъ; въ Англіи принесена дань уваженія великому согра-

жданину, въ Россіи почтена память общаго друга —и «Говардъ» не принадлежитъ ни тому, ни другому государству, но роду человѣческому!

А вотъ образецъ дружества, переданный намъ достопочтенною древностію о двухъ Скифахъ, принадлежавшихъ къ владѣтельному роду и обитавшихъ у Понта Евксинскаго. Предки ихъ ведутъ междуусобную войну въ теченіи многихъ лѣтъ и судьба ся рѣшается то на ту, то на другую сторону; наослѣдокъ присуждается лавръ побѣды сторонѣ счастливѣйшей и въ ратномъ дѣлѣ искуснѣйшей. Въ числѣ трофеевъ приводятъ къ Царю-побѣдителю единственнаго сына побѣжденнаго, молодаго, прекраснаго юношу, покрытаго славными ранами, для преданія—по обычаю тогдашняго времени, лютой смерти; но побѣдитель, имѣвшій также сына одинакого съ плѣнникомъ возраста, увлеченный порывомъ великодушія, являетъ его въ отношеніи несчастнаго — и не только не предаетъ его казни, но осыпавъ ласками, приказываетъ возвратить въ отечество. Эта черта великодушія затрогиваетъ чувствительность молодаго человѣка, полнаго энергіи: онъ не хочетъ воспользоваться дарованною ему свободою, объявляетъ непреклонное желаніе и ищетъ единственной милости—остаться на всю жизнь свою рабомъ у великодушнаго побѣдителя, чтобы достойно заслужить всѣ эти милости. Къ этому прибавляетъ

плѣнникъ, что сколь ни мила для него родина, какъ ни драгоцѣненъ родительскій кровъ и гробы праотцевъ святые, но всѣмъ этимъ жертвуетъ охотно. Твердый характеръ, присутствіе духа и благородный образъ мыслей юнаго Скиѳа, еще болѣе привязываютъ къ себѣ владѣтеля: ему предлагается гостепріимство въ царскихъ палатахъ и молодой человѣкъ, сынъ побѣдителя, обращаетъ на плѣнника все свое вниманіе. Характеры ихъ удивительно сходны между собою и вотъ утверждается между ними дружба, дружба святая и не измѣнная—до самаго гроба. Послѣ этого они даютъ на холму, подъ священною тѣнію древняго дуба, торжественную клятву—принести этой дружбѣ всѣ возможныя жертвы. Проходитъ полгода; узы дружества становятся крѣпче и крѣпче: никакая земная сила, казалось, не въ состояніи была разорвать ихъ. Между тѣмъ молодой хозяинъ избираетъ себѣ юную дѣву дивной красоты, съ пламенными очами, со всею роскошью Востока, дочь классической Эллады — и налагаетъ на себя узы Гименея. Оба друга раздѣляютъ радость брачнаго торжества и живутъ подъ однимъ кровомъ. Еще мелькнуло два-три мѣсяца: въ этотъ короткій промежутокъ времени, пылкій юноша, бывшій плѣнникъ, теряетъ спокойствіе, разсудокъ: онъ влюбленъ по-уши въ пламенную Гречанку—и чтобы погасить эту лю-

бовь, въ глазахъ его преступную, хочетъ удалиться отъ опасной красавицы, но просьбы молодыхъ друзей, самыя убѣдительныя, его удерживаютъ. Въ послѣдствіи же, какъ онъ ни крѣпился, какъ ни боролся со священными чувствами долга и благородства, а страсть могучая, не одолимая — взяла верхъ надъ ними: онъ открывается Гречанкѣ въ любви своей, для которой готовъ принести въ жертву собственную жизнь свою. Онъ не зналъ еще могущества этой страсти и не думалъ, чтобъ послѣдняя могла преобладать надъ дружбою. Въ этотъ моментъ падаетъ со стѣны оружіе, которымъ заклиналъ своего друга на холму, съ такою торжественностію — не нарушать уставовъ добродѣтели: это служило какъ бы упрекомъ собственной совѣсти. Скиѳъ, пораженный, словно электрическою силою при паденіи оружія, мгновенно перемѣняетъ свое положеніе и проситъ спутницу жизни своего друга объ одномъ великодушіи — простить заблужденіе его, доходившее до съумасшествія. Въ слѣдъ за тѣмъ входитъ мужъ и удивляется сценѣ. Виновный открываетъ своему другу все и что послѣ этого поступка своего, поступка не благороднаго, онъ долженъ умереть. Увѣщанія друзей безполезны: онъ пребылъ непоколебимъ — и тѣмъ самымъ кинжаломъ, которымъ клялся не нарушать чести, умертвилъ себя. Истинно-рыцарскій посту-

покъ несчастнаго, повергаетъ въ неописанную грусть властителя, въ этой горестной утратѣ; онъ предается отчаянію и скоро оканчиваетъ дни свои; а молодая чета, оставшись сиротою на чужой сторонѣ, вдали отъ родины, слѣдуетъ также за нимъ въ могилу.

Это случилось давно, очень давно, до введенія христіанства.

Винюсь предъ читателями за отступленіе, но впередъ этого не сдѣлаю.

—

Пора была возвратиться домой — и я разстался съ Ригою и Русскою Германіею, досадуя на обстоятельства, не дозволившія мнѣ пробыть тамъ долѣе и что лишенъ былъ возможности передать о краѣ бо́льшихъ подробностей. Эта же причина мѣшала мнѣ исполнить прежнее предположеніе, совершить обратній путь твердою землею чрезъ Дерптъ, Нарву и Ораніенбаумъ. Что дѣлать! Человѣкъ, связанный службою и ограниченный въ средствахъ, не можетъ быть господиномъ своего времени. Плаваніе наше сопровождалось медленно, и мы достигли Петрополя въ четвертыя сутки, какъ и въ передній путь. На другой день по оставленіи Ливоніи, сдѣлалось довольно свѣжо, особенно во время ночи — и когда же? въ срединѣ лѣта! Запасаться въ такую пору зимнею

одеждою на какія нибудь три недѣли, пожалуй— на мѣсяцъ, разумѣется, смѣшно, а на повѣрку выходитъ, что это было бы вовсе не излишне. Въ передній путь я подтрунивалъ отъ души надъ однимъ пассажиромъ, который взялъ съ собою изъ Петербурга енотовую шубу, а мнѣ оставалось прогуливаться въ легонькомъ пальто, подбитомъ воздухомъ. Скажу не шуточно, холодъ былъ «изрядный», особенно на разсвѣтѣ—и время уподоблялось позднему осеннему. Не диво, разсуждалъ я самъ съ собою, встрѣтить также атмосферу на Байкалѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ сосѣдствѣ Дауріи, а на морѣ Балтійскомъ, чуть-чуть не на другомъ полушаріи, такія вещи казались просто не возможными. Хорошо еще, что возвратился я въ Петербургъ безъ простуды.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				*Должно читать:*
стран.				
28	стр.	11	снизу	построенные	построеннаго
30	—	5	сверху	монахини клиро- ванки	мэнахини и клиро- манки
86	—	6	—	номенплатуру	номенклатуру
98	—	4	—	на себѣ на морѣ	на себѣ, бывши на морѣ
105	—	2	снизу	бываетъ	бываютъ
106	—	12	сверху	Iocobskirche	Iacobskirche
114	—	13	снизу	осталось	оставалось
116	—	3	—	у него тогда-то	у него
128	—	4	сверху	самую	саму